

ШАЛИНА Ирина Владимировна

**УРАЛЬСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ
КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

10.02.01 – русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Екатеринбург

2010

Работа выполнена на кафедре риторики и стилистики русского языка
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет имени А. М. Горького»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Купина Наталия Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Борисова Ирина Николаевна

доктор филологических наук, профессор
Ерофеева Тамара Ивановна

доктор филологических наук, профессор
Химик Василий Васильевич

Ведущая организация ГОУ ВПО «Саратовский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского»

Защита состоится ____ апреля 2010 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212. 286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Автореферат разослан ____ марта 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М. А. Литовская

Общая характеристика работы

Являясь подсистемой русского национального языка и разновидностью городской речи, просторечие представляет собой уникальный материал для разработки актуальных проблем русистики – собственно лингвистических, лингвокультурологических, этнолингвистических, социолингвистических, лингвогеографических и др. Настоящее исследование посвящено изучению уральского городского просторечия.

Описание подсистем национального русского языка в их становлении и взаимовлиянии (Л. И. Баранникова, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. П. Обнорский, Ф. П. Филин, А. А. Шахматов, Л. П. Якубинский и др.) стимулировало интерес лингвистов к собственно просторечию, определению его статуса, истоков, социальной базы, выявлению его языковых особенностей. В фундаментальной коллективной монографии «Городское просторечие: проблемы изучения» (1984) просторечие было определено как «речь городских жителей, не владеющих нормами литературного языка» (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская). На материале записей живой речи авторами были обобщены результаты системно-языкового анализа просторечия, осмыслен его статус.

В последующие годы в научной литературе освещались результаты системно-структурного, лексико-семантического, функционально-стилевого, социолингвистического, регионального, культурно-речевого, лексикографического описания просторечия и его элементов (Ю. А. Бельчиков, К. А. Войлова, А. Н. Еремин, О. П. Ермакова, Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, Живая речь уральского города, Живое слово в русской речи Прикамья, Е. А. Земская, З. Кестер-Тома, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, Н. А. Купина, Б. И. Осипов, Н. А. Прокуровская, Н. Н. Розанова, Г. Н. Складневская, А. А. Скребнева, В. В. Химик, В. Д. Черняк, А. А. Юнаковская, Языковой облик уральского города и др.). Можно утверждать, что время опровергает трактовку просторечия как маргинального явления. Из современного поликультурного пространства России просторечие не вытеснено. Напротив, оно "помолодело" и "социально окрепло".

Описание структуры и состояния современного русского языка, немыслимое без создания объективной картины функционирования его нелитературных подсистем, одной из которых является просторечие, требует исчерпывающего набора «собственно лингвистических, социолингвистических и прагматических характеристик этого функционирования» (Е. Н. Ширяев).

Формирование антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре. Антропологическую направленность получила лингвокультурология, в границах которой осуществляется описание вербализованных культурных ценностей, т.е. получающих языковое воплощение нравственных и эстетических идеалов, норм и образцов коммуникативного поведения, национальных обычаев и традиций (Е. М. Верещагин, В. В. Воробьев, Е. И. Зиновьева, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. Г. Костомаров, В. А. Маслова, Л. Н. Мурзин, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин, И. А. Стернин, З. К. Тарланов, В. Н. Телия, Е. Е. Юрков и др.). Необходимость исследования просторечия как явления культуры, а лиц, говорящих на просторечии, как носителей «культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» (В. И. Карасик) обоснована в работах В. Е. Гольдина, Е. А. Земской, О. А. Михайловой, А. Ф. Прияткиной, Н. И. Толстого, А. Д. Шмелева и др. Рассмотрение языка и культуры как явлений, связанных

отношениями равнозначности и равноправности, позволило обнаружить изоморфизм структур в функциональном и внутрииерархическом (системно-стратиграфическом) плане: литературный язык был соотнесен с культурой образованного слоя, диалекты – с культурой народной, крестьянской, а просторечие – с культурой промежуточной, которую обычно называют «третьей культурой» (Н. И. Толстой). Наметилась перспектива открытия новых граней разноаспектного описания городского просторечия как особого ментально-психологического и социального мира, вырабатывающего своеобразный кодекс речевого поведения (Е. А. Земская).

Объект диссертационного исследования – уральское городское просторечие. **Предмет** анализа – извлекаемые из живого речевого взаимодействия горожан-уральцев коммуникативно-этические константы просторечия как лингвокультуры.

Основная **гипотеза** исследования: просторечная лингвокультура выступает как городской вариант культуры народной.

Утрата духовных ориентиров, обусловленная идеологическими катаклизмами рубежа веков, привела к кризису идентичности, возникновению мозаичности ценностной картины мира. В этих условиях **актуальным** становится описание речевого быта групп горожан, сохраняющих традиции национальной культуры, ее ценности и установки.

Наши **информанты** – это горожане-уральцы, люди разных возрастов, жители Екатеринбурга, районных рабочих городов и поселков Свердловской области: квалифицированные рабочие, разнорабочие, мелкие служащие, работники торговли, домашние хозяйки, милиционеры, пенсионеры, а также заключенные. Вслед за Л. П. Крысиным дифференцируем носителей просторечия-1 (горожане старшего возраста, не имеющие образования, речь которых обнаруживает явные связи с диалектом или полудиалектом) и носителей просторечия-2 (горожане среднего и молодого возраста, как правило, имеющие среднее образование, речь которых лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована).

Формальный критерий «образование» не всегда является показательным. Среди пожилых носителей просторечия-1 есть люди полуграмотные, но есть и те, кто имеет законченное среднее или среднее специальное образование. Среди носителей просторечия-2 много людей с незаконченным средним образованием, но есть и те, кто учится заочно в колледжах и вузах. Последние активно или пассивно владеют литературным языком. Включаясь в просторечную коммуникацию, молодые могут реализовывать просторечные языковые варианты, намеренно использовать просторечную манеру ведения диалога для поддержания доверительности разговора. В реальном коммуникативном взаимодействии «коэффициент просторечности» индивидуально варьируется (М. В. Китайгородская).

Исследуемые **материалы** – устные тексты-разговоры (Н. А. Купина), дневники, частная переписка, письма, адресованные Президенту РФ, представителям городской администрации, а также письменные высказывания на заданную тему. Материал собран автором настоящей диссертации. К анализу частично привлекаются записи текстов, осуществленные проживающими в городах и поселках Свердловской области студентами-заочниками М. О. Махнутиным, К. А. Барановой и др.¹. Объем исследуемого материала во временной протяженности его звучания около 50 часов, что в письменной фиксации составляет около 400 страниц печатного текста. Расшифровка звучащей речи

¹ М. О. Махнутин, оператор-наладчик станков с числовым программным управлением, с 1994 по 2000 гг. учившийся без отрыва от производства на филологическом факультете Уральского государственного университета, записал разговоры рабочих Первоуральского новотрубного завода.

сделана с опорой на методику оформления разговорных текстов, принятую на кафедре риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета, в целом преемственную по отношению к методике, разработанной коллективом ученых Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук и реализованной в книге «Русская разговорная речь. Тексты» (1978).

В диссертации анализируются преимущественно тексты-разговоры и письма пожилых людей. Демонстрационно представлены образцы речи людей молодых, сохраняющих в ситуациях профессионального или семейного общения приверженность ценностям и традициям унаследованной от родителей культуры, а иногда – отторжение этих ценностей. Последнее позволяет судить о межпоколенческих связях и прогнозировать судьбу просторечия. Устные и письменные тексты рассматриваются как документы эпохи, правдиво воссоздающие биографию целого поколения людей, входивших в одну типизированную лингвосоциокультурную общность и перешедших в другую лингвосоциокультурную среду.

Цель диссертационного исследования – выявление, описание и систематизация коммуникативно-этических констант просторечной лингвокультуры. Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

- собрать и обработать монологический, диалогический и полилогический текстовый материал, отражающий живое речевое взаимодействие носителей уральского городского просторечия;
- представить очерк языковых особенностей уральского городского просторечия;
- уточнить необходимые для описания лингвокультуры составляющие ее когнитивного фундамента;
- реконструировать и описать типовые культурные сценарии, их фрагменты и звенья;
- выявить имеющие речевую оформленность презумпции, представления, стереотипы, установки, определяющие поведение носителей просторечия в типовых коммуникативных ситуациях;
- охарактеризовать специфику речеповеденческих практик, отражающих существующие в просторечной лингвокультурной среде представления о коммуникативных и этических нормах;
- выявить и описать характерные для определенных микроколлективов лингвокультурные типы.

Методы и приемы исследования. Сбор живого разговорного материала производился в течение десяти лет (1999–2009) **способом включенного наблюдения** методами скрытой («скрытый микрофон») и открытой («открытый микрофон») магнитофонной записи. **Достоверность** собранного устного материала обеспечивается знанием описываемой социальной среды «изнутри», личным знакомством со многими информантами, воспринимавшими собирателя текстов как члена «своего круга». В процессе записи устной речи, протекающей в условиях неофициального неподготовленного общения, автор диссертации переходил на просторечный код.

Анализ текстов осуществлялся с помощью **метода реконструкции культурных сценариев**. В процессе сценарной реконструкции использовалась **группа методов и приемов** лингвистической диагностики языковых средств текста, контекстологического анализа, стилистического комментирования, лингвокультурологической интерпретации речевых элементов текста, сценарных фрагментов и звеньев, а также лингвокультурологического портретирования.

Научная новизна исследования. Лингвокультурологический анализ корпуса текстов, отражающих современное состояние определенного среза языкового существования уральского города, позволил охарактеризовать городское просторечие как тип лингвокультуры, выявить особенности мировидения носителей уральского просторечия, описать ценностные опоры, коммуникативно-этические константы просторечной лингвокультуры, сближающие ее с народной крестьянской культурой.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Взгляд «извне» и взгляд «изнутри» – принципиально разные подходы к исследованию просторечия. Взгляд «извне» способствует выявлению языковых неправильностей, которые становятся яркими диагностическими пятнами речевого портрета, особенно в ситуации взаимодействия просторечия с литературным языком. Для внутрикультурной коммуникации, осуществляемой в рамках того или иного микроколлектива, структурно-ортологическая ущербность речи нерелевантна. Взгляд «изнутри», направленный на поиск ментально значимых ценностных объектов, получающих вербализацию в речеповеденческих практиках носителей просторечия, дает возможность описать просторечие как лингвокультуру.

2. Находящая воплощение в речеповеденческих практиках, ролевом поведении, репертуаре жанров традиционная система ценностей, стереотипов, установок образует когнитивный фундамент просторечной лингвокультуры, позволяющий определить последнюю как городской вариант народной культуры.

3. «Полиглотизм горожанина» (Б. А. Ларин) обуславливает кодовые переключения, которые осуществляются в границах оппозиции *свой ↔ чужой* в процессе речевой деятельности и обнаруживают пересечение просторечия с литературным языком, диалектом, жаргонами.

4. Для осмысления лингвокультуры оказывается существенной ее коммуникативно-этическая составляющая (нормы, оценки, презумпции, запреты, предписания), исследование которой открывает перспективы выявления основ внутренней коммуникативной ортологии.

5. Социоцентризм, обеспечивающий устойчивость коллективной идентичности, проявляется в чувстве принадлежности к семейной, дружеской, профессиональной общностям, выступает как константа просторечной лингвокультуры, находящая воплощение в культурных представлениях, языковых предпочтениях, речеповеденческих практиках.

6. Культурный сценарий является способом представления и описания разномасштабных событий жизни носителей просторечия. Он имеет особый хронотоп, композицию и типовую субъектную организацию. Реконструкция общего и частных культурных сценариев позволяет выявить набор находящихся воплощение в кооперативном и конфликтном речевом взаимодействии ценностных представлений, доминантных установок, охарактеризовать лингвокультурные типажи (*учитель жизни, защитница семьи, разрушительница семьи, настоящий мужик, энтузиаст своего дела, балагур* и др.).

7. Речеповеденческая и ментальная специфика просторечной лингвокультуры наиболее ярко проявляется в коммуникативном взаимодействии представителей разных лингвокультур, объединенных не только во временный (например, очередь в поликлинике к врачу), но и постоянный (например, семейный) микроколлектив.

8. Целостность просторечной лингвокультуры обеспечивается устойчивостью коммуникативно-этических констант, системностью установок, внутрикультурной преобладанностью, эволюционным характером развития: от культурно-языкового

консерватизма (просторечие-1) к свободе, не отвергающей целесообразности сложившихся традиций (просторечие-2).

Теоретическая значимость исследования. Интерпретация уральского городского просторечия как лингвокультурного феномена углубляет сложившиеся теоретические представления о национальном коммуникативно-культурном пространстве, способствует решению задачи полномасштабного описания общенародной лингвокультуры.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования внедрены в практику преподавания лингвокультурологии, русского языка и культуры речи в Уральском государственном университете. Материалы диссертации составили основу разработанного автором спецкурса «Живая речь уральского города».

Апробация результатов исследования. Основные положения работы излагались автором в докладах на **международных научных конференциях** («Русский язык в контексте современной культуры» (Екатеринбург, октябрь 1998); «Лингвокультурологические проблемы толерантности» (Екатеринбург, октябрь 2001); «Современный город: межкультурные коммуникации и практики толерантности» (Екатеринбург, ноябрь 2004); «Риторика и риторизация образования» (Москва, МПГУ, 2004); «Риторика в системе коммуникативных дисциплин» (Санкт-Петербург, апрель 2005); конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. Лидии Ивановны Баранниковой (Саратов, ноябрь 2005); «Язык города» (Бийск, ноябрь 2007); Российско-Белорусском семинаре «Языковое существование Урала и Республики Беларусь: проблемы идентичности и толерантности» (Екатеринбург, май 2007); «Славянские языки: аспекты исследования. VI Супруновские чтения» (Минск, декабрь 2008); «Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы» (Екатеринбург, октябрь 2008)); **всероссийских научных конференциях** («Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, апрель 2006); «Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения)» (Екатеринбург, октябрь 2007)); **региональных конференциях и семинарах** в Екатеринбурге (май 1999; октябрь 2000; апрель 2007; май 2008; апрель 2009 и др.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, словарей и приложения, включающего основные сведения об информантах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение содержит обоснование актуальности темы, формулировки гипотезы исследования, цели и вытекающих из нее задач, общую характеристику работы.

В главе 1. **ПРОСТОРЕЧИЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ** разрабатываются принципы лингвокультурологического описания городского просторечия. Композиционное деление главы обусловлено составом аспектных подходов к описанию объекта – собственно лингвистического и лингвокультурологического. Исследовательская логика отражает переход от традиционной лингвоортологической характеристики просторечия к выявлению когнитивного фундамента просторечия как лингвокультуры.

В разделе **Просторечие как объект лингвистического анализа** раскрыта социально-историческая обусловленность просторечия как подсистемы в составе национального русского языка. Языковым фундаментом просторечия являются территориальные диалекты и городские койне; “верхние этажи” просторечного “здания” смыкаются с литературно-разговорной речью (Л. И. Баранникова, В. В. Виноградов,

К. А. Войлова, Е. А. Земская, Л. Г. Капанадзе, Г. П. Князькова, В. И. Собинникова, Э. Г. Туманян, Ф. П. Филин и др.). Пестрота социальной базы, смешение разнородных общеупотребительных языковых элементов, обслуживающих устное обиходно-бытовое общение, – все это обуславливает проницаемость границ языковых подсистем, объясняет нечеткость критериев выделения просторечия.

На первый план исследования просторечия как подсистемы национального языка выдвигается комплекс ортологических проблем, изучению которых соответствует взгляд «извне», позволяющий осуществить поуровневый анализ языковых единиц некодифицированной речи горожан. В настоящее время накоплен опыт описания просторечной фонетики (Е. В. Ерофеева, Н. Н. Розанова и др.), просторечной морфологии (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и др.), просторечной лексики и фразеологии (О. П. Ермакова, Л. Г. Капанадзе, З. Кёстер-Тома, Н. А. Прокуровская, А. А. Скребнева, В. В. Химик и др.), просторечного синтаксиса (М. В. Китайгородская, Т. С. Морозова, А. Ф. Прияткина и др.), проведено комплексное поуровневое описание просторечия (Е. А. Земская, Л. П. Крысин). Обсуждается вопрос о существовании ядра общерусского просторечия и региональных вариантов подсистемы – воронежского, ижевского, омского, калужского, томского, прикамского, приамурского (Т. Б. Банкова, Л. А. Грузберг, А. Н. Еремин, Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, В. В. Пирко, Н. А. Прокуровская, Ф. Л. Скитова, А. А. Юнаковская и др.).

Уральское городское просторечие рассматривается в диссертации как региональный вариант общерусского просторечия. В его составе выделяются абсолютно специфические, относительно специфические и неспецифические языковые единицы (Ю. М. Скребнев). Специфика уральского просторечия, обусловленная влиянием окружающих старожильческих говоров, выявляется преимущественно на фонетическом уровне, например, неполное оканье, выпадение [j] в интервокальном положении (помог[ат]); «щеканье» (по[щ]ерк); отверждение мягкого долгого шипящего (прита[шшы]ла); утрата интервокального [в] в положении между гласными (б[ау]шка); переход [э] в [о] в безударном положении на конце слова после шипящего (уж[о]) и др. Диалектные черты наиболее устойчивы в речи пожилых горожан, живущих в отдаленных от Екатеринбурга районных городах и поселках. В языковом сознании носителей просторечия-2 речь городская и речь деревенская дифференцируются. Об этом свидетельствует наблюдаемая в текстах-разговорах игровая стилизация речи сельских жителей с акцентированием интонационных особенностей, выделением диалектизмов как «не своих» элементов: *У меня прабабке 115 лет* // (карикатурно воспроизводится сильное оканье, выпадение интервокального [j], висячая интонация) *«Мужиков-то у меня / милок / знашь / скоко было?»*

В работе в очерковом виде на примере устных и письменных текстов проводится описание урализмов, а также просторечных единиц, маркирующих общерусское городское просторечие²:

М.И. *В баню-то / в баню я даве* пришла / *ужас чё деецца* // Бабы-то* в перчатках / в лифчиках // Я зашла / *слушай / не могу* / вся обожглась* // *Едрит твою мать* // <...> **А.Ф.** *Холодной водой обливайся / я всегда так // Парюсь / парюсь / холодной водой обливаюсь // Здоровье // **М.И.** [перебивает] Да ну како* здоровье // Там одна ходит рыжая // Нынче чё-то* белая / перекрасилась // Маленькая / толстая / кудрявая // Все время в парилке сидит // То коленки / то поясицу / то задницу* парит**

² Отдельные просторечные элементы выделяются в диалогических фрагментах символом *, их сочетания – символом *...*.

без конца // Её х[л'оши]ут* / х[л'оши]ут* / еле оттудова* выходит // **А.Ф.** *Она уже атрофировалась* // Ни холод / ни жару не чувствует // <...> *Деньги заплатили / и замечания не сделай* // Я заплатила / сколь* хочу / столь* и моюсь* // Для чего парилка? Пари[т'ся]* надо // **М.И.** Слушай* / дак* жжет* руки // *Они в варежках / и б[узгал'те]р* черный на ей* / как на пляжу* // **А.Ф.** А б[узгал'тер]-то* зачем? **М.И.** А [шиш'ы]пки-то* знаете как жжет*? *А крестики дак во рту* // Крестик в рот / он горит у них тама* // Золото во рту / пошел хлеста[т'ся]* // *Вот ведь жись-та* // *Страшное дело!* Слушайте / вчера захожу / храп такой у нас в подъезде // Я поднялась* / на третьем этаже лежит мужичошка* / храпит на весь дом // В рабочей одежде / работяга / видать* // Скорчился у батареи / жопу* греет / видать* тепло ему тама* // **А.Ф.** *Жопу греет / голова спит* // <...>³

В рассматриваемом фрагменте выделены урализмы (пари[т'ся], хлеста[т'ся], х[л'оши]ут, како (здоровье) и др.); относительно специфические просторечные элементы (чё (чё-то), дак и др.); неспецифические просторечные единицы (жжет, на пляжу, на ей; оттудова, сколь, тама; жопа, мужичошка и др.). В выделяемых просторечных конструкциях наблюдается свободная сочетаемость лексем, мена видов синтаксической связи, нарушение видо-временной соотнесенности. Плотность просторечных элементов и их сочетаний в тексте может быть различной. Просторечные вкрапления в нейтральную канву текста маркируют этот текст как просторечный.

Манера ведения диалога обнаруживает активную жизненную позицию носителей просторечия, личностное отношение к происходящему, острую реакцию на все, что отклоняется от привычного положения дел. Устная обиходно-бытовая речь горожан насыщается эмоционально-оценочной лексикой, обценизмами и / или стереотипизированными эвфемистическими номинациями, афористичными хлесткими выражениями, отражающими свойственную народному языковому сознанию образность. Речь часто сопровождается выразительной жестикуляцией.

В письменной коммуникации носителей просторечия проявляется установка «пишу как говорю», находящая воплощение не только в типовых орфографических аномалиях, но и в живых интонационно-грамматических структурах просторечно-разговорного характера, тематических повторах и скачках, избыточности и противоречивости смысла на отдельных участках текстового пространства.

По нашим данным, носители просторечия-1 в большинстве случаев не задумываются о правильности и чистоте речи, но осознают необходимость кодовых переключений, обусловленных характером коммуникативной ситуации (официальная / неофициальная) и образом адресата (свой – чужой). Например, в телефонном разговоре бывшая медсестра **Ф.П.**, демонстрируя владение коммуникативно-жанровыми нормами, дает профессиональный совет родственнице **Т.А.**, которая является врачом. **Ф.П.** контролирует свою речь, учитывая интенции и статус адресата. Функцию кодовых переключателей выполняют медицинские клише. Полного переключения на литературный код все же не происходит. Этому препятствуют автоматически проскальзывающие просторечные вкрапления, плеонастический монтаж слов, высокая частотность диминутивов (О. П. Ермакова), “небрежный” синтаксис:

Ф.П. Руки мойте все время / потому что Вы можете занести инфекцию // Марганец тоже хорошо / сам Бог велел / он же дезинфицирует инфекцию / слабый раствор / чтоб не щипало / крепкий будет щипать / еще дополнительно можете

³ В связи с ограниченным объемом автореферата реплики-высказывания коммуникативных партнеров даются в линейном (горизонтальном) следовании друг за другом.

сделать ожог // Слабенький-слабенький / прям чуть розовый // В кипяченой водичке* немного / где-нить* в мензурочке* или столовой ложечке* ненужной // *Такая вот / чтобы прокипятить / и раз-раз-раз тихонечко / или в баночке* / ага // *Не волнуйтесь давайте* / Тамар Санна // Площадь-то большая? Да? Кошмар! И третьей степени пузыри / *спали дак* // Возвышение такое / да? Возвышается над кожей // Ну ярко-красное / да? Ну вот / значит / первой степени // Ну давайте тихонечко // *Если чё надо / дак* эт самое / я* // Если чё есь* / дак* я Вам отправлю / угу-угу // <...>*

Осознанные установки в отношении к языку / речи, представления о правильном и целесообразном выборе языковых средств выявляются на материале речевого взаимодействия носителей просторечия-2, активно или пассивно владеющих литературным языком. В «своем кругу», однако, контроль за литературной правильностью речи отсутствует. В смешанном коллективе молодые толерантно относятся к консерватизму старших, которые отстаивают речевые употребления, укоренившиеся в просторечной среде, осознающиеся как узуальные и поэтому позволительные / желательные. Стереотип *как хочу, так и говорю* в исследованных нами разговорах ревизии со стороны молодых людей не подвергается. Установка на понимание сказанного обуславливает обратную связь между коммуникантами, выявляемую, например, в диалоге пожилого (В.И.) и молодого (Д.) рабочих: *В.И. Знаешь / что в Арабах* / не празднуют 8-е Марта // Д. В Арабах? Ты хотел сказать в арабских странах? В.И. Ну / может и так / Ну ты меня понял //*

Диалогический материал позволяет утверждать, что язык воспринимается носителями просторечия как духовная ценность. Анализ метаязыковых высказываний-рефлексивов (И. Т. Вепрева) обнаруживает ценностное отношение к языку, сформированное семьей и школой: *Нас с детства приучили // Я русский люблю только за то <...>; Великий и могучий / с им все высказать можно //*

Неотъемлемой составляющей просторечного быта являются обценнизмы. Обценная лексика воспринимается как ментально значимый ценностный объект. Сам факт ее существования характеризуется как достояние нации: *Дак ты понимаешь / ты это самое / даже сматериться по-русски не можешь //* – упрек в излишней вежливости. Умение *материться* оценивается с эстетических позиций: *Матерятся ... / одни красиво / другие нет //*. Критерием ограниченности употребления мата является адресат как носитель культуры: *Ну / с культурным человеком по-культурному //*; женщина: *Тут же женщина / помолчи! Не выражайся! Очевидна также установка на производство необцененованного диалога как способа намеренного отчуждения, демонстрации нерасположения к адресату. Свои (исключение составляют отдельные ситуации межличностных конфликтов) не воспринимают на свой счет обценнизмы, которые употребляются не в номинативной, а в экспрессивной функции. Стихийная лингвистическая оценка матизмов носителями просторечия-1 / 2 показывает, что обцененованный диалог выступает как неперемное условие доверительного мужского общения: ...в мужской компании сидим / употребляем //* Осознается особый репертуар функций обценнизмов, служащих для эмоциональной разрядки (*матерятся со злости*), выражения чувств (*излить душу, душу отвожусь*); заполнения пауз (*для связки слов*); восполнения бедности речи (*У его [о рабочем] слов нету / он начинает матом крыть / слов не находит //*). Основной признается функция интимизации коммуникации: *... нам друг другу не обидно / да?*

На материале диалогов пожилых и молодых носителей просторечия рассматриваются механизмы языковой игры, подтверждающие наличие креативной составляющей диалогического взаимодействия.

Специально анализируется базирующаяся на идеях Н. И. Толстого типология речевых культур (В. Е. Гольдин, И. А. Иванчук, Т. В. Кочеткова, О. Б. Сиротинина и др.) и место просторечия в ней. Подчеркивается недостаточность полномасштабного описания просторечия с позиции «просвещенного лингвиста». Мотивируется выбор лингвокультурологического описания объекта.

В разделе **Базовые лингвокультурологические понятия, используемые при анализе просторечия** осуществляется поиск теоретических оснований решения целевой установки работы. Освещается проблема взаимоотношения языка и культуры (Ш. Балли, В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Э. Сепир, Б. Л. Уорф и др.), характеризуются современные гуманитарные подходы к ее решению. Наблюдения и обобщения показывают, что культурная реальность со свойственным ей набором организованных форм и видов деятельности, процессов и состояний становится одновременно естественным средоточием духовного, социального бытия людей и средой их речевого существования, возвращает, наполняет, формирует и обновляет человека как личность, в которой интегрируются значимые в социокультурном и языковом отношениях черты (А. Г. Асмолов, Б. С. Ерасов, Л. Н. Коган, Н. Н. Козлова, А. Я. Флиер, Л. А. Шумихина и др.).

Представлен обзор лингвистических исследований, рассматривающих культуру как результат и процесс рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека, который предстает как творец создаваемых им окультуренных представлений (В. Н. Телия). Язык фиксирует и сохраняет информацию о постигнутой человеком действительности, служит для формирования культуры мышления, создает тексты как явления культуры (Н. Д. Арутюнова, Н. Д. Бурвикова, Е. М. Верещагин, В. И. Карасик, В. Г. Костомаров, Ю. Н. Караулов, В. А. Маслова, Л. Н. Мурзин, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и др.).

Обосновывается целесообразность лингвокультурологического и лингвокогнитивного исследования просторечия. В опоре на современные научные концепции уточняются базовые лингвокультурологические понятия. Подчеркивается, что личностные / коллективные представления, презумпции, ценностные установки, стереотипы находят отражение в речевой коммуникации и составляют когнитивный фундамент лингвокультуры.

Просторечие как особая лингвокультура имеет свой набор лингвокультурных типажей (О. А. Дмитриева, В. И. Карасик и др.), каждый из которых отличается выраженными в речи перцептивно-образными, понятийно-дефиниционными характеристиками, ценностными предпочтениями и соответствующими знаковыми маркерами вербального и невербального поведения, отражающего специфику мировидения личности, входящей в лингвосоциокультурную общность.

Речевая действительность обнаруживает наличие констант – «неких постоянных принципов культуры» (Ю. С. Степанов), обеспечивающих устойчивость и адаптационные возможности культурной реальности. Необходимым признается выявление констант просторечной лингвокультуры.

В разделе **Этические основания культуры** обосновывается выбор для анализа этической (нравственной) составляющей коммуникации. Рассматриваются философские положения о нравственности – важнейшем мировоззренческом комплексе, который формируется на основе коллективной деятельности и регулирует общение. Обсуждаются принципы отбора существенных для исследования этических категорий и понятий, позволяющих осмыслить речевой мир носителей просторечия. Выделяются

базовые характеристики этического сознания как компонента сознания обыденного, в том числе: автономный статус, рефлексивность, субъективность, нормативно-оценочная природа (Р. Г. Апресян, Н. В. Голик, А. А. Гусейнов, О. Г. Дробницкий и др.). Функцией этического сознания является коллективная культурная память, нацеленная на запоминание значимых фактов и событий в жизни членов социума, обеспечивающая коллективную идентичность. Этическое сознание формирует важный участок языковой картины мира, реконструирующий иерархии ценностей, ценностные ориентации, морально-нравственные предпочтения членов социума. Моменты осознания *своих* или *чужих* моральных состояний эксплицируются в коммуникативных практиках в виде проговаривания предписаний и запретов, этических тезисов, моральных принципов и оценок, метаязыковых комментариев, которые служат для выявления этических констант культуры.

Категории этического сознания – ценности, оценки и нормы. Ценности входят в ядро культуры, являются ее стержневым элементом, определяют ментальную сферу и мировоззрение как отдельной личности, так и социума. Наиболее существенные для культуры ценности организуются в ценностную картину мира, под которой понимается «система культурных концептов, рассматриваемая в ценностном измерении» (В. И. Карасик). Выявление ценностных доминант, существующих как в коллективном, так и индивидуальном сознании, – путь к описанию типологии лингвокультур, портретирования их представителей (Н. Д. Арутюнова, Н. А. Бердяев, Н. Я. Данилевский, А. А. Зализняк, К. Касьянова, И. Б. Левонтина, Д. С. Лихачев, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, Ю. С. Степанов, Н. В. Уфимцева, А. Д. Шмелев и др.). Этические ценности и антиценности эксплицируются с помощью оценок. Обобщение положений философской и лингвистической аксиологии помогает осознать роль оценки в реконструкции константных культурных смыслов, выявить связь ценностно-нормативной системы социума и оценок, выполняющих функцию регуляторов поведения членов лингвокультурной общности, описать структуру и функции оценочного высказывания (Е. М. Вольф, А. А. Ивин, Н. А. Лукьянова, М. В. Ляпон, Т. В. Маркелова, Т. В. Матвеева, В. Н. Телия, М. А. Ягубова и др.).

Коммуникативные нормы рассматриваются как правила речевого поведения, получившие форму предписаний для определенной коммуникативной ситуации и конвенционально закрепившиеся в культуре. Этические нормы понимаются как правила должного речевого поведения, основанного на нормах морали и национально-культурных традициях (Л. К. Граудина, А. Едличка, О. Б. Сиротина; Е. Н. Ширяев и др.). Целесообразно разделять всеобщие этические нормы общения и нормы общения, принятые в определенных микроколлективах. Понятия «норма», «правила поведения», «принцип», с помощью которых описывается общение внутри социокультурной общности, коррелируют с понятием «конвенция». Этические конвенции, являясь разновидностью конвенций социокультурных, обнаруживают себя в виде запретов, табу, ограничений, которые налагают на участников коммуникативного взаимодействия определенные рече-ролевые обязательства, предписывают тот или иной (негласно узаконенный социальной средой) тип поведения, выполняют функцию прагматических регуляторов (М. В. Колтунова, К. Ф. Седов, Н. И. Формановская и др.). Выделенные исследовательские аспекты нормы мы связываем с представлением о коммуникативной ортологии культуры.

Прослеживается историческая обусловленность этического сознания русских, которое на современном этапе характеризуется противоречивостью, ориентацией не только на национальные, но и на западные ценности. В то же время правомерно

предположить, что отложившиеся нравственные установки, будучи глубинными структурами сознания, не могут быть подвержены радикальным изменениям.

В разделе **Культурный сценарий: определение понятия и общая типология** анализируются имеющиеся в аспектных лингвистических исследованиях подходы к понятию «сценарий» (Р. Абельсон, Н. Ф. Алефиренко, Дейк ванн, К. А. Долинин, М. Минский, М. Л. Макаров, В. В. Петров, Попова, И. А. Стернин, В. В. Красных, Р. Шенк и др.). Подчеркивается, что в отличие от когнитивного сценария, для которого характерна идея абстрактности, всеобщности, внеконтекстуальности репрезентируемого знания о реалиях действительности, культурный сценарий содержит выраженную аксиологическую доминанту, включающую коммуникативные предписания, ценностные установки культуры (А. Вежбицкая, К. Годдард), мнения, оценки людей как носителей лингвокультуры, воспринимающих и интерпретирующих конкретные ситуации и события.

Разрабатывая понятие «культурный сценарий», мы опираемся не на лингвоспецифические слова (А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев), а на корпус текстов-разговоров, представляющих частные истории жизни людей, связанных поколенческой общностью. Прослеживается совпадение событийной канвы биографий информантов, ценностных ориентаций в моделировании отношений с членами собственной семьи и окружающими. Общими оказываются социокультурные предпочтения, оценки важных явлений общественной и личной жизни. Тексты-разговоры показывают, что в жизненные истории так или иначе вписываются сходные события, совершающиеся в рамках того социального целого, членом которого является информант. Эти события переживаются людьми, обнажая связь настоящего с прошлым и будущим. Сценарная органика коммуникативных событий, вербализованность устойчивых представлений об объектах различных сфер жизни позволяют выявить нормативно-ценностные установки, стереотипы, описать типажи, характерные для данной лингвокультуры. Параметры культурного сценария отбираются на основе сущностных характеристик, вмонтированных в сценарий.

Хронотоп устанавливает пространственно-временные рамки события. Прикрепленность человека к определенному локусу (деревенский дом, районный город, городская квартира) в значительной мере задает развитие событийного действия и формирование ролей: *Я родилась в деревне Каменка // В 1951 году я попала в город и там вышла замуж // Там и осталась // Базовая оппозиция город ↔ деревня* идентифицирует участников коммуникации как носителей социального статуса, исполнителей конвенциональных ролей, специфицирует культурные сценарии. Время, маркируя переломные этапы жизни человека, играет культуросозидающую роль. Темпоральная оппозиция *раньше ↔ теперь*, сквозь призму которой многими пожилыми носителями просторечия осмысляются события, носит сквозной характер. Она поляризует прошлое и настоящее. Например, важное событие (вступление в партию) в устной передаче рассказчицы окрашено ностальгией по советскому времени: *Раньше это было достижение / что секретарь* [имеет в виду секретаря партийной организации фабрики. – И. Ш.] *как бы агитирует // Это щас все стоптали под ногами / все перемололи / перевернули и черте чё / ничё не существует //* «Эластичность» сценарного времени проявляется в его возможности замедляться и ускоряться, длиться и проживаться вновь и вновь. События жизненной сферы передаются как продолженные или точечные. Выделяется два типа сценарного времени: ретроспективное (отдаленное и ближайшее) и реальное текущее настоящее, с позиций которого осуществляется оценка,

а нередко ревизия прошедших событий. Кроме того, задается в общем виде благоприятная / неблагоприятная сценарная перспектива.

Анализ субъектной организации культурного сценария позволяет выявить виды идентичности: семейная, родовая (*папка, мамка, доча, дедко, свекровка, не косолаповской породы*); социальная (*деревенские, городские, бедные, зажиточные, бомж*); гендерная (*девка, парень, мужик, бабушка*); профессиональная (*плотник, слесарь, шо'фер*); региональная (*свердловские, сибирский парень, уральцы*); этническая (*русские, немцы, татарка, евреечка*). Типовые функционально-ролевые характеристики героев сценария – важный критерий выделения лингвокультурного типажа, например: *мать-заботница, мастер на все руки, закадычная подруга, сварливая свекровь, лучшая работница* и др. Статусно-ролевые номинации и предикации субъектов группируются на основании обобщенной идентификационной формулы: Имя (местоимение) + таксономический / характеризующий предикат. Таксономический предикат выделяет лицо в границах какой-либо группы, микроколлектива: социальной (*Ты ж деревенская //*); конфессиональной (*Мама староверка / кержачка была //*; *Папа у нас атеист был //*); гендерной (*Таська в молодости девка шибко завлекательная была //*); возрастной (*Я старуха старухой //*; *У нас песок из жопы сынется //*) и др. Характеризующий предикат несет в себе спроецированную на образец оценку, в том числе нравственную. Формульность подчеркивает важность идентификационных моделей, определяющих основания дихотомии *свой ↔ чужой*, способствует реализации наиболее устойчивых культурных смыслов, вычленение которых позволяет судить о специфике мировидения носителей лингвокультуры. Прослеживается параллель: речевая формула – культурный стереотип, стереотипная оценка. Вербальные указатели идентичности в отвлечении от текстов складываются в большие и малые парадигмы, включающие опорные имена и глаголы физической / рече-ментальной деятельности. Парадигматические ряды дают возможность проследить сюжетную и композиционную организацию сценария, осмыслить нормативную основу статусно-ролевого поведения лица как представителя определенного макро / микроколлектива.

Систематизация собранных текстов, детализированно или точно воспроизводящих разномасштабные события, позволяет разграничить общий и частный культурные сценарии. Культурный сценарий, взятый в общей проекции на жизнь носителя лингвокультуры, не дает разверстку событий, а лишь фиксирует важные вехи жизни. Отмеченность того или иного события («встреча с будущим избранником», «рождение ребенка», «строительство дома» и др.) обуславливается рядом факторов, в том числе влиянием традиционных культурных представлений о смысложизненных ценностях. Динамичность сценария создается за счет смены рубежных этапов, идеи преемственности поколений и повторяемости событий, цикличности жизненного круга. В частных культурных сценариях, укрупняющих конкретные типовые событийные участки семейной, профессиональной, досуговой и других сфер жизни, личность предстает не как нечто константное и определившееся, а непременно как динамическое (Г. О. Винокур).

В нарративах, служащих базой для реконструкции культурного сценария, события как бы заново проживаются рассказчиками, проигрываются, как в пьесе или как по напоминающему пьесу киносценарию (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров). Повествование получает композиционную организацию: выделяются фрагменты, соответствующие экспозиции, завязке, развитию действия, кульминации, развязке. В ходе анализа реконструируются целостные культурные сценарии, их фрагменты и звенья. Производитель текста-нарратива выступает как монтажер, «осуществляя

неожиданные перебросы в пространстве и времени, варьируя крупность плана, сжимая или растягивая время» (И. А. Мартыанова), совершая отбор, комбинацию и рекомбинацию пережитого. Это позволяет динамизировать повествование, укрупнить и подчеркнуть существенное, психологически важное, ценное. Специфика «монтажного мышления» зависит от ряда объективных и субъективных факторов: масштабности события, психологического состояния коммуниканта, специфики памяти, призванной «собирать» мир в сознании человека. Одни информанты способны воскресить события прошлого в мельчайших подробностях, передать их динамику; «осколочная память» других позволяет представить лишь общий план события, «вырвать» на временной оси жизни «куски», звенья, не позволяющие сложиться целостной картине. Во всех случаях реконструкции сценариев выявляется когнитивный фундамент лингвокультуры.

В разделе **Общий культурный сценарий: опыт реконструкции** представлен взгляд носителя просторечной лингвокультуры на основополагающие явления жизни. Сценарий выстраивается в виде цепочки событий, в своей целостной совокупности осмысляемых как *судьба*. Он одновременно ретроспективен и проспективен: прошедшее или будущее соотносится с настоящим, оценивается, причем оценка собственной жизни дается с точки зрения соответствия / несоответствия идеальной модели, на которую человек опирается и которую пытается воплотить в реальности.

Общий сценарий позволяет точно представить развертывающийся на оси времени в рамках рубежных этапов (детство → юность → молодость → зрелость → старость) основной событийно-фактологический ряд жизни-судьбы, недетализированно укладываемый в условно-обобщенную формулу «родился – учился – создал семью – обустроивал быт – поднимал детей – работал – вышел на пенсию – обзавелся внуками». Факт рождения становится точкой отсчета событийного ряда; разномасштабные события фиксируют рубежи, пороги или склоны жизни, которая выступает «режиссером» культурного сценария. Возрастные этапы связываются с представлениями о статусно-ролевых позициях субъектов, например, молодость – это время расцвета, пора влюбленности, проектирования будущего, «примерки» ролей жениха и невесты. Этическая основа брака – любовь (стереотип *жениться по любви*). Материальный достаток молодоженов не обсуждается. Цель жизни связывается с преодолением трудностей, борьбой за выживание. Нравственные концепты *труд*, *жизнь*, *семья* осмысляются в границах эквивалентных оппозиций: полнота бытия реализуется в единении *трудовой* и *семейной* жизни.

Опорные звенья сценария группируются вокруг ценностных объектов, трех констант, обуславливающих нормальное (идеальное) функционирование семейной жизни. *Дом (сад)* – первая константа. *Дом* представляется оплотом хозяйственной и нравственной жизни семьи. *Сад (садик)* символизирует *результаты труда*. Культурно-фоновые знания участников коммуникации позволяют интерпретировать слово *садик* в соответствии с реалиями жизни: «небольшой участок земли (4–6 соток), используемый для подсобного хозяйства, а также неблагоустроенный дом». Важно, что в саду трудится вся семья. Выращенными плодами питаются всю зиму. *Детишки (внучата)* – вторая культурная константа. Дети и внуки – *слава и радость*, залог продолжения рода, свидетельство признания выполненной родителями жизненной миссии. *Родители* – третья культурная константа. Они дают жизнь, являются символом защиты, помощи, духовного покровительства. Сохраняется христианская заповедь «Чти отца своего и мать свою». Смысл жизни задается самой жизнью, поступенчатым проживанием каждого из ее этапов. Общий сценарий развивается и конкретизируется в границах

«своего круга», что подчеркивает значимость общности социального происхождения (*деревенские*) и общности испытаний в прошлом и настоящем.

Отмечается диалектическая связь концептов *жизнь*, *смерть*, *судьба* (О. П. Ипанова, А. А. Осипова, А. Д. Шмелев, С. В. Щербицкая и др.). Лексемы *жизнь* и *судьба* часто предстают как контекстные партнеры: (Из диалога мужа С. и жены О.) О. *Как ты докатился до жизни такой? С. Не я такой / жись* такая! О. Кто ее делает такой? С. Судьба есь** // Ну / не то что судьба / что гнет тебя // Сопротивляться не будешь / дак* согнет / будешь сопротивляться / чё-то* получится // Судьба воспринимается как объективная данность, сила, определяющая жизнь и обычно не благоволящая человеку. Ее можно побороть – для этого нужно поднять ”планку жизни”, преодолеть обстоятельства. В рассуждениях о судьбе отсутствует абсолютный фатализм: модальность возможного обнаруживает непредопределенность результатов сопротивления. Однако установка Сопротивляйся жизненным обстоятельствам, судьбе часто реализуется лишь на уровне рефлексии, в реальности жизнь-судьба ”сносит” человека. Формируется установка на примирение с действительностью: человек ”проигрывает” уготованное ему судьбой.

Семейное счастье имеет нравственные основания, базируется на сотрудничестве супругов, их совместных усилиях, направленных на воспитание детей. Долг родителей – вырастить детей, дать им образование, вывести в люди. Важно, что богатство, достаток не осознаются как обязательные условия воспитания детей. Нравственность, образование, напротив, воспринимаются как безусловные ценности. Все тексты-разговоры объединены вербализацией единой жизненной установки (Жить и трудиться ради семьи, ради детей и их будущего): В.И. [вспоминает о родственниках и их сыне] *Рая с Николаем Вовочку вырастили // Хороший парень / самостоятельный / образованный // Живи-радуйся //*; М.В. [делится размышлениями о смысле жизни] *Нам на том свете ничё не надо будет / ничё с собой не унесешь / ради их живем-старемся //*

Формула счастливой жизни носителя просторечной лингвокультуры имеет три базовые составляющие: счастье = муж / жена + дети + дом. [Из диалога соседок]: З.А. *Жись у нас / не сахар была //* Ф.П. *Не сахар / нет //* И все равно мы считали / что счастливы // Я вот / например // Мужья хорошие / свой потом уголок / в конце концов был / дети // Концептуализируются представления о *хорошем муже* как, прежде всего, *муже работающем*, *кормильце* и о *своем уголке*, т.е. ‘месте, где можно жить’. Искомое добывается терпением, трудом, жертвенностью, преодолением невзгод, активностью.

Речевая репрезентация общего культурного сценария позволяет выявить ценностную доминанту сознания носителя просторечия-1: семья – это смысложизненная ценность, а семейная доля – часть человеческой судьбы. Социоцентрическое мироощущение носителя просторечия-1 исключает эгоизм и индивидуализм из всех сфер жизни.

В главе 2. **КУЛЬТУРНЫЕ СЦЕНАРИИ «ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ» и «ПУТЬ В ГОРОД»** осуществляется реконструкция частных культурных сценариев. Культурный сценарий «Жизнь в деревне» раскрывает культурно-биографические пресуппозиции, или предусловия социально-коммуникативного взаимодействия носителей просторечия-1, выводимые из жизненных практик в родительской (деревенской) семье. Культурный сценарий «Путь в город» основан на описании рубежного в жизни информантов события, знаменующегося переходом в новую лингвосоциокультурную среду.

В разделе **Культурный сценарий «Жизнь в деревне»** представлена канва деревенской жизни: события детства и юности, общественно-исторического и личного

масштаба проецируются на хронотоп, субъектную организацию сценария, функционально-ролевые характеристики членов семьи, а также коммуникативные ценности деревенской культуры. Лингвокультурологический анализ предваряется кратким очерком описания семейных будней. Дается этнографическая и социокультурная характеристика крестьянской семьи в сопоставлении с современной городской семьей. Подчеркивается, что в рамках семьи как «своего круга» формируются многие установки, носящие долгосрочный характер, складываются освященные семейными традициями жизненные убеждения, отрабатываются механизмы коммуникативного взаимодействия, закладывается и формируется отношение человека к жизни и людям. Семья открывает истоки самосознания человека и даже определяет его судьбу.

Реконструкция сценария начинается с его **пространственно-временной организации**. Реальным пространством является Средний Урал, Свердловская область. Основные события жизни в деревенской семье привязаны к деревенскому локусу, локусам, граничащим с ним (близлежащие деревни и города поселкового типа), локусу дома. Каждый тип пространства представлен номинативными парадигмами. Их наличие свидетельствует о системном принципе организации культурной памяти, в которой хранятся ряды семантически связанных номинаций, причем каждый член ряда содержит культурно-фоновую ценностную информацию. В процессе общения *своих* конкретная номинация вызывает схожие образные «отклики».

В границах культурного сценария выделяется несколько оппозиций. Оппозиция *деревня ↔ колхоз (совхоз)* указывает на идеологизацию пространства. Наблюдаются содержательные отличия в представлениях о деревне и колхозе. Лексема *деревня* обычно используется в нарративах и разговорах о личной и семейной жизни. Себя информанты называют *деревенскими*, но не *колхозниками*. Именно слово *деревенский* является устойчивым вербальным сигналом коллективной идентичности. В границах оппозиции *свой ↔ чужой* разграничиваются *своя* и *чужая* территории, различающиеся степенью социокультурной и физической освоенности.

В **темпоральной организации** сценария выделяется время несобытийное (некоторая временная протяженность, на которой нет «отметин») и событийное (личное и общественно-историческое). Вехи личной жизни человека часто маркируются крупными историческими событиями, что показывает переплетенность личного и общественно-исторического планов бытия в реальной жизни: *Потом закончилась война / время шло // В ноябре сорок восьмого года / через три года после войны / у моей старшей сестры была свадьба //* Историческое время определяет судьбу поколений. Субъект-деятель выступает как носитель сознания поколения, познавшего трудности военной и послевоенной жизни: [Из письма В. В. Путину] *<...> работала в колхозе всю войну за трудодни, кормить не кормили хлебом.*

Рассказы-воспоминания содержат вербальные опознавательные сигналы военного и послевоенного времени: *трудодни; карточки; посадили за колоски, за мешок гнилой картошки*. Анализ показывает, что сценарное пространство и время функционально нагружены: они становятся фоном, на котором разворачиваются события деревенской жизни. Чем ярче событие, чем явственнее оно выводится в светлое поле сознания, тем четче очерчены его пространственно-временные контуры. Осознание причастности к событийно значимому времени, вовлеченность в события общественного масштаба – грани социоцентрического мироощущения.

В описании **субъектной организации «своего круга»** выделяется собственно семейный круг, куда входят члены одной семьи, и круг, примыкающий к семье,

связанный с семьей, включающий ближних и дальних, кровных и некровных родственников, а также соседей, друзей, односельчан: *Мама рожала шестерых / да папа с мамой / да дедушка с нами жил // Семьица была большущая //*; *Мы ходили к баушкиной сестре / как мама ее называла / к тетке Парасковье //*; *Наши деревенские на лесозаготовках робили //* Анализ номинаций субъектов, наполняющих «свой круг», позволяет говорить не только о единичных, но и о коллективных субъектах. Бо́льшая часть номинаций родства – это общеупотребительные слова. Цепочки номинаций демонстрируют упорядоченность семейно-родственных отношений в деревенской лингвокультуре. В просторечии сохраняются видовые термины родства, вышедшие из активного употребления (*шурин, золовка, кума*). Это свидетельствует о важности фактической родственной близости при допуске в ближний круг. Регулярно вербализуются базовые представления о семейном статусе человека (человек есть существо семейное; иметь семью, детей – естественная потребность и необходимость), способствующие формированию важных ценностных установок: Стремись создать семью; Дорожи семейно-родственными связями.

Номинации субъектов входят в состав речевых формул совместности / разъединения, репрезентирующих идею соборности как чувства принадлежности к кругу *своих*. Субъекты сценария предстают как носители социоцентрического сознания, складывающегося не только на основании родственных связей и пространственной близости, но и на основании духовной общности людей. Дифференцируются носители культурной нормы и антинормы, что указывает на кооперативное существование или же распад «своего круга».

Функционально-ролевая характеристика членов «своего круга» выявляет социально-ролевой репертуар членов деревенской семьи, обусловленный хозяйственно-экономическим укладом жизни. Отлаженность семейного механизма обеспечивается потребностью поддержания ролевого баланса, четкой реализацией императивных установок культуры. Нарушение ритмичной, налаженной работы может быть связано с семейно-ролевым дефицитом: потерей кормильца, вдовством и др. В этом случае наблюдается субъектно-ролевая субституция. Члены семейного круга исполняют как постоянные, так и переменные роли.

Центральное место в семейной вертикали занимает отец. За главой семьи традиционно закрепляются функции производителя и продолжателя рода, добытчика, кормильца, транслятора гендерных речеповеденческих стереотипов. Труд на благо семьи осмысливается как моральный долг мужа / отца / деда: **Б.Б.** *Я деда своо все споминаю / он родил 14 человек / всех ро'стил / вырастил / людьми сделал / почти половину в войну потерял / много пережил / а в восимисят [восемьдесят] лет крепенький еще дедок был // Скотины полный двор / огородице / баню перестраивал / помню //* *Я пацаном помогал ему // Да еще тянул нас [детей и внуков. – И. Ш.] всех как мог //*

Работа осознается именно как труд физический, ручной. Типаж *умельца, мастеровитого хозяина* в народной культуре оценивается высоко: **А.Б.** *Хоронили [отца. – И. Ш.] всей деревней / так как уважали //* *У отца ведь были золотые руки / он все мог и всем помогал //* Не менее важны роли, определяющие этическое поведение отца: наставник, воспитатель, руководитель, защитник. Конвенционализируется ролевой стереотип *мужик в доме*: физическая, материальная и моральная защита семьи – обязанность отца: **Ф.П.** [сокрушается об отце] *Сам голодал / все зубы потерял / в одной гимнастерке зимой ходил / но нам образование дал //* Отец обладает непререкаемым родительским авторитетом, дающим право руководить судьбой детей, инициирует важные события в их жизни. Его решения определяются установками: Отцу виднее;

Отец желает детям только добра; Отец сказал, потребовал – следует выполнять. Право отца на регламентацию поведения домочадцев не оспаривается: *Как я могла отца послушаться // Отец!*

Мать / жена – постоянная роль, характеризующаяся неменяющимся репертуаром функций: родительница, продолжательница рода, хранительница семейного очага, воспитательница. Она заботится о питании и физическом комфорте всех членов семьи, духовном воспитании, обеспечивает трансляцию гендерных стереотипов (как и во что одеваться; как вести себя с домочадцами и членами ближнего круга; каким образом создавать уют и порядок в доме; как готовить, шить и вязать и др.): **А.Б. Мама Мария сидела с нами / в семье ведь нас / детей / было восемь человек! Пока настирает / наготовит на нас всех //** Роли хозяйки, хранительницы семейного очага конвенционализируются, составляют основу нормативного канона личности женщины в деревенской культуре. Персонология просторечной лингвокультуры наследует типаж *матери-заботницы, хлебосольной, гостеприимной хозяйки*. Мать, как и отец, формирует нравственно-бытовой комплекс семейных ролевых прав, обязанностей, речеповеденческих стереотипов. Она несет ответственность как за «фактическую», так и за этико-эмоциональную сторону жизнедеятельности семьи.

Главные субъекты семейного круга – отец и мать – солидаризируются в установках воспитания: Воспитывай детей в строгости, подчинении и любви; не балуй их; Послушание и чувство долга по отношению к матери и отцу должны быть всегда. Советы, приказы и наказания родителей не обсуждаются. Способы наказания за нарушение детьми коммуникативных или этических норм регламентируются внутрисемейными нормами и традициями.

Основные ролевые функции старшего брата / сестры: помощник по дому и хозяйству, защитник младших. Расширение ролевого репертуара связывается с взрослением, появлением младших, отсутствием главных субъектов семейного круга: *Мы с братом моим Витькой всегда пасли нашего теленка Борьку //; Братовья нас всегда защищали / в обиду не давали //* В ходе анализа были выявлены внутрисемейные представления и установки в отношении труда: Труд сопряжен с физическим напряжением и волевыми усилиями; За детьми, как и за всеми членами семьи, закреплены определенные трудовые обязанности; Трудиться и помогать другому – обязанность каждого; Человек, не отличающийся трудолюбием, нравственно неполноценен, заслуживает осуждения.

Переменные роли детей (школьник, участник игры) определяются возрастом, видом деятельности, конкретной ситуацией. Совместные игры и учеба способствуют формированию «своего круга». Круг друзей складывается в детстве. Осваиваются роли друга, подруги, конфиденанта и др.

Методом сплошной выборки из диалогов и нарративов были извлечены формульные сочетания, организованные по типу номинация субъекта (*отец, мать, сын, дочь* и под.) + глагольная словоформа. Систематизированная в виде парадигм глагольная лексика позволила достаточно полно охарактеризовать ролевые функции каждого из субъектов.

Реконструируется **предметно-вещный мир и досуг деревенской семьи**, описывается обстановочный контекст жизни информантов: устройство деревенского дома, уклад и традиции семьи. Описание выполнено по материалам нарративов о вещном и духовном.

Дом не только очерчивает внешние границы семейного мира, но имеет и хранит свою историю. Он связан с важными событиями жизни большой семьи (... *скоко*

воспоминаний //). О доме рассказывают как о близком человеке. Тема вещного не самоценна. Она всплывает, когда информанты вспоминают о сиюминутном, бытовом. В таком случае вещь (т.е. 'отдельный предмет, изделие') рассматривается как рядовой элемент обстановочного контекста. Вместе с тем вещь может предстать как «душевно значимый предмет» (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова), сохраняющий символическую связь с родительским домом: *Шаль китайская / как память о маме берегу //; Мамино колечко с сапфиром / цены ему нет //*

Реконструировать обстановочный контекст позволяют извлеченные из текстов парадигматические ряды этнографем, например: «Внутреннее убранство дома», «Одежда и украшения». Описание элементов парадигм выявляет социальный статус семьи. Например, собирательные существительные *добро* (т.е. 'утварь, вещи'), *приданое* служат маркерами *достатка*, который признается одной из основ семейного спокойствия и благополучия. Бедность принимается, но семья всеми силами стремится выбраться из нужды. Регулярно используются формулы, маркирующие экономическое положение: *Он из бедной семьи был //*; *Оне шибко богато жили //*

В сознании членов семьи формируется эстетическая установка: Обязанность каждого члена семьи – скрасить бедность. По представлениям коммуникантов, родной дом должен быть уютным. Уют *наводится*, т.е. создается преимущественно руками членов семьи. Недостаток вещей компенсируется эстетически воздействующими деталями: **Е.Ю.** *У нас все в цветах было / у нас глиняные горшки были / на каждом окне по три стояло // <...> У нас мебели-то не было / почти мало // Вот фикус большой был / роза большая была / и на окнах полно //*

Уют обеспечивается поддержанием чистоты и порядка, наведением красоты. Употребление имен культурных концептов (*чистота, уют, порядок, красота*) сопровождается совмещением этических и эстетических оценок. Чистота в доме не мыслится в отдельности от телесной чистоты человека: *Приберемся / все вымоем / и в баню пошли всёй семьей //*

Социоцентрическое мироощущение проявляется и в сфере гастрономических пристрастий членов семьи. Житийная установка Люблю то же, что члены моей семьи получает формульное закрепление: *А я как отец / такая же рыбница //* (т.е. люблю рыбу, как отец).

Различаются повседневные и праздничные ситуации принятия пищи. Обязательная составляющая застолья – угощение. Ситуация угощения эксплицирует такие свойства русского человека, как *гостеприимство* и *хлебосольство*, которые характеризуются константностью и имеют прямую связь с общенациональными культурными традициями.

В культурном сценарии деревенской жизни особое место занимает чередующийся с работой отдых. Будни скрашиваются творческой работой для души, праздниками, играми, забавами. Досуг старших и детей характеризуется возрастной спецификой. Члены семьи, отличающиеся изобретательностью и мастеровитостью, своими руками делают *санки, дощечки для катания, клюшки* и др. Родители поддерживают разумные забавы детей. Проявляется общая установка: Обязанность взрослого – обустроить мир детей.

Устойчива в общении членов *семейного круга* установка на смеховое (игровое) начало. Игровой код может вкрапливаться в коммуникацию как реакция на фрустрирующую ситуацию. В этом случае шутки служат для снятия напряжения. Балагурство может стать приметой речевого поведения одного из членов семьи, как правило, старшего (В. В. Блажес). Важно, что инициатор шуток, провоцируя объект на

прогнозируемую поведенческую реакцию (смутить, напугать), не оскорбляет и не унижает его, не нарушает нормы этического взаимодействия: **А.Б.** *Дед шутить сильно любил / шутник большой // Мне было лет шесть или семь // И вот однажды пришли мы с ним вечером из соседнего села / поздно уж совсем было // Сели за стол / вот дед и grit / «Баушка / куда гостью-то положим спать? Давай в ларь / где мука хранится / там мышей много / пусть вместе и спят // А наутро приготовь ей вот чё // Я / значит / барана зарезал / дак там муди [‘мошонка’] остались поджарь ей / ой как вкусно» // Ну все / я значит в рев / баушке покоя нет // [улыбается].*

Остроумие, балагурство – неотъемлемая сторона лингвокультуры.

Обобщаются коммуникативно-этические **базовые ценности**. Труд на благо родных – одна из семейных ценностей. Положительно оцениваются трудолюбие, физическая выносливость как мужа, так и жены. Аксиологический предикат *работающий(-ая)* занимает в иерархии личностных качеств центральное место. Его синтагматическая близость с общеоценочным предикатом *хороший* позволяет вывести цепочку хода мысли: Если мужчина умеет работать, не отлынивает от работы – значит, он хороший семьянин / будет хорошим мужем: **З.С.** *Тетушка замуж вышла в сорок седьмом // У нас дядя Коля украинец / он с Украины Западной // А ведь с Украины Западной мужчин не брали в армию / када война началась / потому что они считались власовцами / вспомни-ка историю // Послали на карьер работать // А чё / он мужик работающий / хороший // Тада очень много наших деревенских баб вышло // Дуньки Соколовой старшая сестра / Вебер был / немец // У тети Груши Хамкиной / Зойка / у нее сын и дочь //*

Показательно, что ни ксенофобия, ни идеологическая «неблагонадежность» не являются факторами влияния на выбор мужа. Нравственное начало, любовь к труду – достаточные основания для того, чтобы *чужой* был принят в семейный круг. Каузатором симпатии, моральной и физической близости, налаживания долгосрочных отношений становится совместный труд.

Супруги, исходя из презумпции взаимного уважения и поддержки, понимания меры ответственности друг перед другом и детьми, отталкиваются от ценностной установки: Если хочешь иметь хорошую семью, старайся жить с домочадцами в мире и дружбе, учись ладить с близкими. Поиски мира и лада (А. Д. Шмелев) проявляются в кооперативности коммуникативного поведения мужа и жены. Реализуется нравственный критерий оценки семейной жизни. Стереотип *хорошо жить / жить дружно* подразумевает прежде всего уважение, взаимопонимание и согласие между членами семьи. Мир и лад поддерживает внутрисемейная конвенция – ограничение на употребление бранной лексики: ... *у нас в семье / даже слова такого не было / «Иди к черту» // Осознанный поиск стратегии гармонизации речевого поведения (Стараешься как-то / ведь разругаться проще всего / из-за тарелки супа можно разругаться ... //)* способствует предотвращению бытовых конфликтов.

Брань, рукоприкладство рассматриваются в деревенской культуре не как нравственная распущенность и возможность «покуражиться», а как не переходящее грань дозволенного, дающее разрядку средство: **Е.Ю.** [об отце и матери] *Он ее ругал / что она босиком ходила // Она вот зимой / надо из ведра вынести помои в огород / она идет босиком по снегу / редко када галоши оденет // Отец ее ругал / «Дак ты чё эт / мать / делаешь?» // Она не слушется / он возьмет и матюгнется // Она и его этим полотенцем / чтобы рот не раскрывал // Он ее за дело ругал / она все равно не слушется //*

Обобщаются коммуникативные практики коррекции поведения супругов, например: выговаривания, замечания, совета, поучения.

Проблемы, касающиеся распределения благ, домашних обязанностей, решаются на основе этических норм общежития, неписаного этического семейного кодекса. Члены семьи исходят из презумпции справедливости. Внутрисемейные конвенции, определяющие право очередности на то или иное действие, регулируют речевое взаимодействие, предотвращают обиды и ссоры: **Е.Ю.** [о братьях и сестрах]: *Лыжи у нас были / один покатается / потом второй идет / не ссорились / все по очереди // Не то чтобы сразу все вышли //*

В сфере родства огромную роль играют семейно-родственные связи, обеспечивающие преемственность поколений. Презумпция родственного единения определяет внутрикультурные образцы коммуникативно-этического поведения членов семейного круга (приютить бедных родственников; помочь в поиске работы, в учебе; усыновить / удочерить детей дальних родственников), основанные на установке: Как не помочь / свои же. Указанная установка формируется на базе представлений о необходимости налаживания долгосрочных отношений, моральной и материальной поддержки родственников. Родство, свойство' – важная культурная ценность.

Право называться *своим / нашим* получают по рождению; оно дается также тому, кого можно расспросить о родных и близких, с кем можно посоветоваться, вспомнить о прошлом, поговорить *обо всем на свете*. Доверительная коммуникация осознается как важнейшая культурная ценность. Стереотип *жить по-родственному* опирается на установки: Родственники стремятся понимать и уважать друг друга; Старшие родственники должны прогнозировать семейные осложнения и способствовать их предотвращению. Практикуется коллективное обсуждение общих проблем на семейном совете. Право морального воздействия на другого получают старшие и опытные, желающие блага близким.

Этическая установка на поддержание семейного мира и лада может вступать в противоречие с реальностью. В русском обыденном сознании стереотипизируются отраженные в сценарии представления о неуживчивости свекрови и невестки, о «тяжелой руке» мужа, «длинном языке» женщины. Объектом лингвокультурологической интерпретации в диссертации становится, например, встреча невестки и свекрови. В ситуации знакомства коммуникативное напряжение преодолевается с помощью взаимных поисков коммуникативного лада: **В.И.** [о свекрови] *Переступает через порог / я к ней сразу кинулася // Первая / первая // «Ну / мама / здравствуйте / будем знакомы»! Она обняла меня и слезы покатились // <...> Толенька [о муже] грит / «Мама / а ты чё / не рада / что мы приехали?» Она / «От радости // Вот сынок / пришли-то годы / жениться надо» // <...> Она захлопотала / забежала по избе //*

Нам не удалось записать рассказы о ссорах в родительских семьях. Возможно, память блокирует подробности конфликтных столкновений. Возможно, отдельные стороны деревенской жизни идеализируются. Важно, что многие нормативно-ценностные этические установки наследуются и находят воплощение в городской семье.

В разделе **Культурный сценарий «Путь в город»** описывается переход деревенского паренька / деревенской девушки из одного локального жизненного пространства в другое (из деревни в город), драматический процесс включения в новые социальные отношения и кризис первичной идентичности. Сценарий реконструируется на материале рассказов-воспоминаний. Обостренно восприимчивым становится языковое и культурное самосознание героя, оказавшегося за пределами «своего круга». На базе дихотомии *город ↔ деревня*, охватывающей весь корпус исследованных текстов, по разработанной схеме описываются **хронотоп и субъектно-ролевая организация** культурного сценария. Выделяются типы субъектов (персонифицированные /

абстрактные, активные / пассивные), в той или иной степени влияющие на организацию и развитие сценария. В разных ролевых ипостасях предстает родитель: инициатор нового, наставник, советчик. Характеризуется типаж *учителя жизни*, руководящего освоением чужого культурно-коммуникативного пространства. Отец учит в меру своего опыта, понимая, что для “врастания” в новую среду сыну / дочери необходимо стать субъектом, научиться преодолевать фрустрацию, установить контакт с *чужими* людьми, *городскими*, кажущимися враждебными.

В процессе реконструкции сценария нами выделены типы конфликтов. **Социокультурный конфликт** формируется как следствие неравенства социальных и культурных позиций горожанина и деревенского жителя. Оппозиции формируются внутри социального пространства (*глухая деревня ↔ ближе к городу*); круга *своих – чужих* (*отец; женщина из нашей деревни ↔ директор медучилища; девки городские*). Контрасты, включенные в темпоральную рамку *раньше – теперь*, охватывают трудовую деятельность и ее денежное вознаграждение (*трудолюбие, палочки, денег не было ↔ производственная работа; имели деньги*). Значимо, особенно для молодых женщин, отличие внешнего вида деревенских и городских (*пальтоуха, сапожищи, пугало ↔ туфельки, доха, платьишко*). В границах оппозиции *литературная речь ↔ нелитературная речь* обостряется **речевой конфликт**, развивающийся на фоне императивной формулы-наставления: *Приучайся по-городски*. Речевой конфликт, соединяясь с социальным, перцептивно маркируется как «пороговая ситуация», влияющая на изменение культурно-языкового сознания: *Не чё / а что; Не аха / а да → Я это на всю жизнь запомнила //* Эмоционально-нравственную основу имеет **внутриличностный конфликт**. Именем ключевого концепта становится лексема *стыд*. *Стыд* как чувство, ущемляющее достоинство, и *стыд* как результат осознания вины перед родителями, страх перед *чужим*, жалость борются с чувством *долга*, послушанием, привязанностью к «своему кругу». Конфликты преодолеваются с помощью старших наставников, *добрых людей*, которые растолковывают, беседуют, успокаивают, советуют, направляют, помогают.

Культурный сценарий «Путь в город» может иметь разные развязки – окончательный переезд в город и возвращение в деревню. Последнее обуславливается рядом факторов, в том числе идеологических. Обострение конфликтного противостояния связано с наивысшим напряжением психологического состояния субъекта, преодолевающего отчуждение от родного пространства. Отмеченные типы конфликтов стимулируют направления поиска новой идентичности.

Анализ культурных ценностей и установок в границах дихотомии *деревня ↔ город* позволяет описать столкновение двух типов идентичностей и соответственно двух ценностных систем. Приводятся примеры противостояния субъектов-антагонистов – носителей деревенской культуры и носителей индустриально-городской культуры. Например, в разговоре случайных попутчиков – деревенской учительницы и рабочего-железнодорожника, носителя просторечия, – разрабатывается оппозиция *город ↔ деревня*: *В деревне жить лучше, чем в городе ↔ в городе тоже свои плюсы*. Активизируется цепочка нравственно-эмоциональных концептов в их внутренних (содержательных) и внешних проявлениях. Приобщенная к крестьянской культуре учительница связывает с деревней не только волю, свободу, простор, физическое здоровье (...на воле выросли / всё своё //), но и дружелюбие, непринужденность общения, жизненную устойчивость деревенских: *В деревне люди улыбаются друг другу // Всегда кто-нибудь рядом есть / и поговорить / и поплакать / и помочь / если надо //* В отличие от деревни, город – это ограниченное пространство, тюрьма, зоопарк, звери, злоба, болезни,

формализация человеческих связей и отношений: *Тюрьма здесь / а не жись // Злые все как собаки / толкаются / чахнут тут / как звери в зоопарке // Разорвать готовы / не дай Бог на ногу наступишь / или заденешь / или посмотришь не так //*

Метафоричность усиливает аксиологическую поляризацию локусов. Таксономические предикаты трансформируются в этические (*деревенские* → *добрые*; *городские* → *злые*), целенаправленно указывают на моральные устои деревенского уклада жизни (обустроенный дом, благополучие, прочные межличностные связи). Городской уклад жизни связывается с распадом семейной общности, а также с ограниченностью городского пространства, отсутствием уюта, уродством человеческих отношений, агрессией горожан и их разобщенностью.

Зона противостояния коммуникантов – отношение к окультуренному / неокультуренному пространству. Деревня воспринимается рабочим как место отдыха, возможность насладиться природой (*отдохнуть, порыбалить, в баньке помыться*). Ориентация на блага цивилизации, удобства, комфорт выражена в житийной установке: В деревне жить тяжело. Основой коммуникативной кооперации временно связанных людей становится положительное отношение к труду и семье, а также старикам, воплощающим жизненный идеал (*робили всю жись с утра до ночи; просто жили; крепче, добрее были*). Деревенских и городских объединяет поколенческая ментальная общность: Главное в жизни – работать на благо семьи, а не масло в голове гонять.

Объектом насмешек бывших сельчан, давно живущих в городе, становится *городская барыня*, жеманная, не знающая реалий деревенского быта (*далёко от травы живет*) и нередко попадающая в глупое положение. Идентификаторами маскулинности и феминности, наследуемыми просторечной лингвокультурой, становятся телесность, физическая и духовная крепость, умение приспосабливаться к обстоятельствам. Общность жизненных ассоциаций, принятие духа народного словесного творчества, шутливая речевая манера объединяют горожан, помнящих о своих деревенских корнях. Актуализируется оппозиция: *городские, не перестающие оставаться деревенскими* ↔ *городские, отпавшие от деревни*.

На разных участках культурного сценария наблюдаем сцены застолья. Бывшие односельчане собираются в городской квартире / деревенском доме юбиляра (юбиляров), вспоминают детство и юность. Звучат тосты, в том числе и стихотворные, песни, хранящие память о *краях родных* и юбилее. В застольных речах ярко проявляется оппозиция *город* ↔ *деревня*. Концепт *деревня* становится ключевым. В одном из текстов ценностная составляющая концепта *деревня* выявляется на базе внутритекстовых номинативных парадигм, косвенно вовлекающих в сравнение *деревню* и *город*: [в деревне] *небо выше, земля теплее, снег белее, дом роднее, задушевней песня*, [у деревенских] *совесть чище*, они гостеприимнее. На базе уступительных связей реализуется цепочка хода мысли деревенских: *Хоть в деревне жить тяжелее, чем в городе, краях заморских, но это моя / наша родина, судьба*.

Межкультурные контакты показывают важное место в картине мира духовного и вселенского (*судьба, счастье, душа* и под.). Это свидетельство сохранности, принятия просторечной культурой космоцентризма, свойственного культуре деревенской.

В главе 3 **КУЛЬТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ «ЖИЗНЬ В ГОРОДЕ»: СТРУКТУРА И СПЕЦИФИКА** проводится речевая реконструкция частных культурных сценариев, их фрагментов и звеньев. Прослеживается становление просторечной лингвокультуры: реконструируются культурные сценарии, описывающие начало самостоятельного пути, освоение города (часть I) и современную жизнь носителей просторечия (часть II). Сценарии эксплицируют культурные представления о семейной и трудовой жизни, о

пространстве, времени и событиях настоящего с позиций прожитого. Типологизируются микроколлективы и культурные типы, которые рассматриваются сквозь призму лингвокультурологической оппозиции *свои ↔ чужие*.

Часть I Освоение города включает четыре раздела. В разделе **Предварительные замечания** формулируются положения, связанные с проблемой поиска человеком ценностных опор в новом социокультурном пространстве. Слом крестьянского ритма жизни, усвоение урбанистических ценностей способствуют формированию новых социальных связей и ментальных опор. Происходит освоение городского языка и статуса горожанина. Переселенцы из деревни оказываются вовлеченными в разнообразные городские практики, отраженные в культурном сценарии, имеющем свой хронотоп, особую субъектную структуру, событийную сетку.

Оппозиция *город ↔ деревня* встраивается в систему частных пространственных оппозиций, анализ которых позволяет вскрыть многообразные столкновения города и человека. Представлен лингвокультурологический очерк описания города-завода как специфического участка уральского геопространства.

В разделе **Культурный сценарий-1 «Начало самостоятельного пути»** описывается специфика пространственно-временной организации сценария. Ключевой топоним *Урал* служит для обозначения общего пространства. Идентификаторы *уралец*, *(коренная) уралочка*, *уральцы* используются как сигналы региональной коллективной общности. На географической карте Урала выделяются локусы разной протяженности: *область, район, город, поселок городского типа*. Жизненно важной для выходца из сельской местности оказывается спецификация правого члена универсальной оппозиции: *деревня ↔ город промышленный (заводской, рабочий); районный город, поселок городского типа*.

Охарактеризованы вербальные знаки, свидетельствующие о перестройке пространственного мышления информантов в системе координат «город – деревня» и «городской центр – городская окраина». Выявляемые из коммуникативных практик вербальные знаки локусов фиксируют результат постепенного вхождения в городское пространство: *Вторчермет, Уралмаш, комната на Сакко и Ванцетти, бараки по Большакова, табачная фабрика, Клуб Профинтерна, парк Павлика Морозова, партийная организация Ленинского района, наш завод, наша больница*. Культуроспецифическую информацию несут лексемы *барак, угол*, актуализирующие смыслы временной социальной устроенности.

Темпоральные границы культурного сценария варьируются: это предвоенный / военный / послевоенный периоды, характеризующиеся событийной значимостью – поступление в училище, служба в армии, демобилизация, свадьба, рождение ребенка, смерть отца, вступление в ряды КПСС и др.

Происходит переоценка ценностей бывшего деревенского жителя. Концепт *город* наполняется новыми смыслами. Родная деревня всё чаще оценивается как *глухомань*, а город ассоциируется с возможностью накопления культурного и социального капитала, перспективами устройства налаженной жизни, обретением новой положительной идентичности: *А.Б. Када мне исполнилось двадцать лет / я переехала в город Карпинск / да так и осталась здесь насовсем // Здесь же познакомилась с дедом [о муже. – И. Ш.] / замуж за него вышла / забеременела <...> родила девочку / назвала Аней / и все нормально потом стало <...> я устроилась в завод и проработала там много лет //*

Описание **субъектной организации** показывает направления поиска героями культурного сценария «своего круга». Продемонстрировано, что смена хронотопа приводит к ослаблению межсубъектных деревенских контактов, распаду прежних

социокультурных и коммуникативных связей, детерминирует появление новых субъектов социально-коммуникативного взаимодействия. Родительский семейный круг отдаляется, контакты с друзьями, оставшимися в деревне, перестают носить постоянный характер, зато становятся актуальными контакты с городскими родственниками. Постепенно формируется временный «свой круг»: городская родня (*дядя по тете мамы, городские сродственники*); бывшие деревенские, ставшие горожанами (*парень с нашей деревни, землячка*); члены учебной группы, рабочего коллектива (*мастер, бригадир, напарница, девки из группы*), соседи. *Другие, но не чужие* – это коренные горожане, взрослые, представители интеллигенции и простые люди: хозяева квартиры, в которой снимают угол (*У нас женщина работала одинокая в Посылторге / она нас пожалела / она нам даже коечку выделила //*); люди, в доме которых прислуживают (*Работала в няньках // Кира Афанасьевна Павлова / врач // Инженер ВИЗовского завода Юрий Михалыч / ее муж //*), под чьим руководством работают, учатся, занимаются общественной работой (*мастер цеха, директор медучилища, секретарь партийной организации*).

Функционально-ролевая характеристика членов «своего круга» выявляет ролевую составляющую субъектного взаимодействия. Описываются механизмы допуска в «свой круг» и исключения из него, ценности и антиценности новых социокультурных сообществ.

Городские родственники помогают молодым людям из деревни, способствуют осознанию чувства родовой общности, которое наиболее ярко проявляется в событийно значимое время. В основе поведенческих стереотипов *возить по родственникам, принимать родственников* лежат преемственные по отношению к традиционной культуре установки: Стремись поддерживать родственные контакты, отмечать юбилейные даты родных и близких; Организуй запоминающийся прием гостей-родственников, будь хлебосольным и гостеприимным: З.С. [о родных] И вот они возили тетю Лёлю по родственникам // [воспроизводит слова госты] *«Ой / как нас там приняли / как нас приняли!»*

Актуальной остается роль наставника, характерная для коренных горожан, поддерживающих неопытных молодых людей, способствующих оптимизации процесса их вторичной социализации. При этом выдерживается иерархия отношений (например, девушка-няня не допускается к столу членов семьи, ей оставляют еду). Ролевое неравенство иногда снимается (... *хозяин квартиры любил меня как дочку //*). Доминирует общекультурная установка: Жалей слабых, беспомощных, помогай нуждающимся, даже если приходится чем-либо жертвовать.

Активно осваиваются роли *квартиранта, общежитского, соседа*, реализующиеся в кооперативных практиках взаимодействия квартирантов и хозяев, соседей. Выявлены этические установки, на которых они базируются: Помогай тем, с кем живешь рядом, делом и словом; Сам с добром и к тебе добро; Свои не должны вредить своим. Усвоенные в детстве и ранней юности, эти установки переносятся в новые жизненные условия, накладываются на коммунально-бытовое существование новых микроколлективов, членов которых связывают, по сути, полусемейные отношения. Конфликтные коммуникативные практики (например, практика морального и физического издевательства хозяина над квартирантами: *И он каждый раз приходил пьяный и начинал куражиться //*) приводят к разрыву коммуникативных контактов.

Свои и *чужие* дифференцируются на морально-этических основаниях. Обман, жадность, подлость, нежелание работать, лень, пьянство, издевательство, отсутствие жалостливости, сострадания к нуждающимся обуславливают исключение субъектов из

«своего круга». Трудолюбие, поддержка, открытость способствуют допуску *других* в уже сложившуюся общность, причем национальность не является препятствием для сближения. Качественные и поведенческие характеристики инородцев (физическая выносливость, сила, трудолюбие, трудовой энтузиазм, готовность помочь, открытость, ярко выраженное волевое начало, привязанность к семье) близки русскому нравственному идеалу.

Оппозиция *горожанин ↔ деревенский* вскрывает штампы сознания: Городские считают деревенских наивными, неотесанными, глупыми. Пусть так думают. На самом деле деревенских не так легко обмануть. Они себе на уме, все видят и понимают.

Описывается **предметно-вещный мир и досуг**, обстановочный контекст городской жизни, реконструируются штрихи к портрету переселенца. Установка Стремись быть привлекательным, несмотря на бедность акцентирует жизненную устойчивость, негибкость бывших деревенских в трудных обстоятельствах.

В процессе реконструкции сценария характеризуется советский культурный быт со свойственной ему аскетизацией приватной сферы жизни. «Субстратом советского образа жизни» выступает коммунальность (Т. А. Круглова): **В.И.** *К нам пришли [представители жилищной комиссии – И. Ш.] / условий у нас нету // Мы с Толей [о муже] на кровати / Рая [сестра] на полу //; Ф.П.* *Комната / в два ряда кровати / шофера' спали / а мы [о себе и муже] в углу за простынкой / а живот у меня уже большой //*

Ментальные установки, направленные на обустройство *своего угла*, поддерживаются в речи разнообразными лексико-грамматическими средствами: агентивными структурами; глаголами созидания, активного физического, интеллектуального действия, движения, перемещения (*подмылиться, начать строиться, построиться, перевозить, переехать* и др.); культурноспецифическими однокоренными образованиями (*самстрой, самстроевский, самстроевцы*), демонстрируют устойчивость традиционного общества. Рассматривается советская культурная практика: обивать пороги начальства, добиваясь положенного по закону жилья: *Сама ходила // Записалась на прием / захожу // Так и так / живу в мужском общежитии в комнате вместе со всеми / дак чё же / мне там и рожать?*

В разделе **«От знакомства к браку»:** фрагменты культурного сценария-2 анализируются участки сценария, связанные с созданием собственной семьи, систематизируются культурные представления о поведении супругов в ситуации измены.

Ситуации знакомства и добрачного коммуникативного общения представлены глазами мужчины и женщины. Инициатором знакомства с девушкой, как правило, является мужчина: *На меня обратил внимание парень один //* Девушка может отвергнуть *не своего (студентом был)* или, по этическим причинам, *своего*. Фактором, приводящим к коммуникативному разладу, может стать конфликт интенций: *Мне на танцы пойти хочется / а он мне стихи читает //*

Девичья невинность традиционно воспринимается как условие, соблюдение которого позволяет девушке вступить в «честный» брак. Реализуется гендерная установка Соблюдай запрет на физическую близость до свадьбы: *Ведь казалось бы можно / в общежитии я одна осталась / но / ни-ка-да!* Семантика глаголов *ходить, дружить, встречаться* лишена сем физической близости. Скромность и стыдливость концептуализируются, становятся составляющими общего представления о нравственном поведении девушки. Стереотип *встречаться красиво* регламентирует поведение влюбленных. Табуизация определенных поз и жестов обусловлена действием

установок: Непозволительно при посторонних касаться определенных частей мужского / женского тела (лапать, хапать, хватать, цапать, тискать), прижиматься друг к другу (обжиматься). Нарушающий установки осуждается. Молодой человек может проявлять разную степень активности и напористости по отношению к девушке. Активное сексуальное поведение мужчины отражается в стереотипе *спортить деву* ('лишить невинности'), существующем в обыденном представлении о взаимоотношении полов. Слова с корнем *люб-* имеют низкую частотность. Табуированная в разговорах носительниц просторечия-1 тема физиологической стороны любви охотно обсуждается в мужских диалогах и полилогах. Женщина в них выступает как объект вожделения, похоти, удовлетворения естественных потребностей, но не душевной привязанности. Обнаруживаются гендерные стереотипные установки, за которыми стоит мужской этический кодекс: Спортит деву – виноват, значит, обязан жениться; Если можно скрыть факт прелюбодеяния, сделай это; Каждый мужчина в молодости должен спортить хоть одну деву – это закон природы; Девка рада первой связи – это для нее возможность выйти замуж; Девка всегда старается извлечь для себя выгоду – не жалеет ее. Ситуация лишения невинности может ускорить наступление кульминационного момента (вступление в брак): *Она молоденькая очень была / а он ушлый // Спортит ее// Пришлось остаться // <...> Их в горисполкоме дедка списал // Прослеживается институциональное влияние на заключение брака: Под ручки / и в горисполком //; Она его силком в горисполком повела // Семантика подобных высказываний позволяет говорить об определенных этических уступках (здесь – о необязательности уважительного отношения к девушке, а также искренности и правдивости в вербальных контактах молодого человека с девушкой до вступления в брак). Очевидно, что границы этической позволительности расширяются.*

Живая ретроспекция позволяет воссоздать ситуацию супружеской измены глазами женщины-работницы. Субъекты культурного сценария – *жена*, которая правдами и неправдами хочет вернуть мужа; *разлучница (женищина с Урала, молодая девка)*, несущая душевный разлад в налаженную семейную жизнь; *муж (шофер, кладовщик)*, решившийся на измену. Просторечная лингвокультура принимает общекультурные представления о взаимной любви, уважении, честности супругов. Жена (мать) является блюстительницей семейно-нравственных устоев, подчиняется мужу как главе семьи, кормильцу и добытчику: *Муж и дети на первом месте // Материнский подвиг освящается. Любовная связь с женатым мужчиной осуждается: Как не стыдно / за женатым мужиком / <...> а мне надо двух дочерей кормить // Жена предстает как борец за семейное счастье, действует в соответствии с установкой на сохранение семьи любой ценой*. Анализируются коммуникативно-речевые практики возвращения в семью неверного мужа, основанные на установке Для спасения семьи от распада все средства хороши: практика *выговаривания* ('в надежде на понимание, собравшись с силами, сказать открыто, в лицо мужу или разлучнице все, что наболело; оценить его / ее поведение как этически непристойное и тем самым облегчить душу': *Я потом к ним ездила / сказала мужу [о супруге разлучницы] // <...> я все высказала //*); практика *рукоприкладства* (*Я ее ухватила за волосы и давай тискать / до того у меня стоко злости / энергии //*), часто сопровождаемая целенаправленным переходом на обценный код с целью обозначения эмоциональной характеристики аморальных действий разлучницы. Гендерная специфика проявляется в способе рукоприкладства, который имплицитно толкуется защитницей семьи как не наносящий ущерба здоровью, но позволяющий поставить обидчика на место. Как крайняя мера воздействия используется административная практика *оформления на 15 суток*, выступающая в данном случае как

институциональный регулятор аморального и агрессивного поведения разлучницы: *Оформила бабушку на 15 суток* // Для возвращения мужа в семью жена не стесняется в средствах. Лингвокультурный типаж *защитница семьи*, по нашим наблюдениям, базируется на архетипе мудрой жены, проявляющемся в этических установках на терпение и прощение. Достижение сиюминутного искомого коммуникативного результата и долгосрочного жизненного результата (... *писят три года живем* //) обеспечивается личными усилиями по строительству пошатнувшегося мира и лада: *Ну потом у нас все наладилось / я это сгладила* // Очевидно, что органичная для христианского мировосприятия способность страдать и прощать не утрачена и сегодня.

Выводятся этические установки носительницы просторечия-1, способствующие сохранению семейного лада: Супруги должны помнить о семейном долге; Непозволительно разрушать чужую семью; С женатым мужчиной нельзя вступать в интимные отношения – это стыдно; Муж, отец детей не должен встречаться с другой женщиной, тратить на нее деньги; Не пристало отцу и мужу забывать о детях, которых нужно кормить; Непозволительно все заботы о детях взваливать на жену; В ситуации распада семьи для женщины хороши все средства, позволяющие вернуть мужа; Соперницу нужно поставить на место и проучить; Необходимо выговориться, высказать наболевшее, а потом простить близкого человека. Базовые установки вступают в оппозицию с установками, направленными на разрушение семьи: Женщина может на время пренебречь семейным долгом; Не стыдно вступать в интимные отношения с женатым мужчиной; Можно скрыть от мужа любовную связь. Согласно нашим данным, эти установки носят ситуативный характер. При столкновении типажей *защитница семьи* ↔ *разлучница (соблазнительница)* актуализируется система установок, направленных на созидание / разрушение семьи.

В разделе **Трудовая деятельность и общественная работа: культурного сценария-3 и его фрагменты** выявляются представления и ценностные установки носителей посторечной лингвокультуры в отношении *труда* и *человека труда*, а также общественной деятельности. Выделяются номинативные парадигмы профессий субъектов сценария: *машинист компрессорной, электрик, слесарь, токарь, станочник, грузчик, кочегар, дворник, разнорабочий, дробильщица, ветфельдшер, учетщица, уборщица, нянечка, санитарка, резчица бумаги, посудомойка* и др. Анализируются вписанные в определенный хронотоп ситуации каждодневного исполнения трудовых обязанностей: [Из письма Президенту РФ] *Я ветеран тыла и труда и инвалид II группы проработала на ж.д. транспорте 40 лет и 21 день <...>*

Труд в сознании носителя просторечной лингвокультуры сопряжен с тяжестью, интенсивностью, травмами, болезнями. Женщина наравне с мужчиной выполняет тяжелую физическую работу: *Всю жись в тяжести / Всю жись тяжелое* // Установка *Работать надо / чё делать* эксплицирует представление об осознанной необходимости труда – источника жизни, естественного состояния человека. Труд дает возможность не унижаться, не попрошайничать, является основой самоуважения и профессиональной гордости. Отношение к результатам труда этноспецифично (М. М. Громыко, В. И. Карасик, В. В. Колесов): важен не только результат, но и сам процесс, а также мотивации труда.

Выделен набор типизированных, преемственных по отношению к деревенской культуре свойств, конструирующих идеальный образ человека труда – типаж *энтузиаста своего дела*: трудолюбие; скромность; расторопность, активность (*Я на месте никогда не сижу* //; *И я всё успевала сделать* //; ... *в отстающих не числились* //); умение стать лучшим в трудовом коллективе (*передовик производства; первая*

дробильщица); добросовестность, проявляемая, в частности, в знании своей и смежных профессий (*Я много знающая //*; ... у меня широкого профиля //); чувство локтя, взаимопомощь (*И вот так всегда всех выручаю //*). В пучок базовых свойств попадают терпеливость, коммуникативное умение ладить с членами трудового коллектива.

Носитель просторечия-1 выступает как советский человек, оценивая отношение к труду с идеологически заданных позиций. В его сознании устойчивы представления о трудовом энтузиазме, готовности жертвовать своими интересами во благо страны, относиться к производственному коллективу как семье. В текстах-разговорах, объединенных темой трудовой этики и служащих основой для реконструкции частного сценария, наблюдаем взаимодействие концепта *труд* с рядом концептов: *уважение, почет, скромность, честность, достоинство, бескорыстие*. Речевой стереотип *почет и уважение* (*висеть на Доске почета; работать с почетом; быть на почете*) регулярно включается в высказывания для выражения справедливой оценки результатов труда, признания трудовых заслуг. Плата за самоотверженный труд (установка Не все измеряется деньгами) – *почет и уважение*, общественное признание трудовых заслуг, публичные уверения в значительности трудовых результатов, чувство «глубокого удовлетворения».

Обесценивание советских образцов отношения к труду, утилитарно-прагматический подход к делу, сформировавшийся в молодежной среде, вызывает осуждение стариков, вступает в противоречие с установкой на бескорыстный труд.

Описывается рубежный этап в жизни советского человека – вступление в партию. Это судьбоносное событие позволяет простой работнице / простому рабочему овладеть идеологическим (партийным) кодом, занять определенную ступень в социальной иерархии. Социально-политическое чутье – важный фактор, способствующий новой инициации – выражено в установке: Щас-то как на жись надо смотреть / коли продвигают / шагай вперед / не бойся. Специально характеризуется типаж коммунист.

Анализируются лексемы-советизмы (Н. А. Купина), воссоздающие ритуал вступления в партию. Характеризуется идеологическое сознание субъекта, обработанное идеями и мифами, рожденными советской политической системой. Систематизируются идеологические установки: Верить в идеи марксизма-ленинизма (...мы верили / мы всегда кричали «ура» //... заложен у нас этот фундамент//); Отстаивать эти идеи, проявляя ответственность, бдительность, стойкость, отточенность политического сознания (*И вот я всю эту ответственность / всю эту нагрузку оправдала //*); Проявлять активную гражданскую и жизненную позицию (*Шагали вперед / в ногу / шагали рядом с жизнью //*); Добросовестно трудиться, принимая посильное участие в строительстве нового общества (... работала честно и с почетом //; ...работала без всяких замечаний //); Ответственно относиться к партийным поручениям (*Ой побегала / будь здоров //*; ...это такая ответственность //); Выступать публично (*Очень часто вела я председательскую работу / на партсобрании меня выбирали председателем //*); Прибегая к идеологическим атрибутам-символам революционных идей и побед, демонстрировать гражданскую идентичность (*Я флаг вывешивала всегда //* *Леня Морозов [сосед] вывешивал и я //*; *Песни пели / конечно / мы наших революционных лет //*). Наблюдается “пропитывание” идеологическими смыслами этических концептов *ответственность, честность, трудолюбие, доверие, правда*.

Отмечается идеологическое упрямство носителей просторечия-1, в постперестроечное время сохраняющих верность многим ментальным советским образцам (*А в душе-то мы все равно держим //*), оценивающих новую российскую действительность с советских позиций. *Свое, наше* (советское) отстаивается как лучшее,

как воплощение социальной справедливости и духовности. *Иное, не свое* не всегда понимается, часто не принимается и в ряде случаев получает негативную оценку как воплощение несправедливости, бездуховности, жестокости: *Раньше ить это / знаешь / это седни депутаты наши стоят / шило на мыло // А тада строго было / попробуй-ка не выполни чё-нить //* Продленное прошлое обуславливает отсутствие развязки сценария: *У меня и седня партбилет //* В границах непрошедшего времени мифологизируется партийная жизнь, идеализируется партийная работа на благо людей. Вместе с тем приобщение к каналам общекультурной информации, политическая гласность обуславливают переоценку ценностей советского времени. Актуализируется дихотомия *правда ↔ ложь*: *Попробуй-ка / за трибуну встанешь / да чё-нить совершь / глаза выцарапают / а щас ... //*; *Мы верили / «За Сталина / за Родину» / а что творилося / это двойка //*; *Это ложь //*

В целом реконструкция культурных сценариев части I «Освоение города» показывает, что вторичная социализация субъекта происходит в опоре на базовые ментальные установки, выработанные не только деревенской культурой, но и культурой советской. Крестьянский подход к жизни в основных ее проявлениях является доминирующим, сохраняется в отношении к обустройству дома, работе, семье, труду. Советский подход к жизни, базирующийся на идеологическом воспитании членов общества, проявляется в чувстве локтя, пролетарском отношении к труду и его результатам. В условиях крушения ценностно-смысловых систем социалистические установки, советская идентичность сохраняются.

Часть II Городская жизнь сегодня и сейчас включает два раздела. Описываются звенья культурного сценария, отражающие постсоветское время жизни носителей просторечия-1 – пенсионеров, ведущих размеренный образ жизни, занимающихся внуками, хозяйством, садоводческими работами. Специфика их деятельности обуславливает пространственную организацию сценария: коммуникативное взаимодействие ограничено локусами квартиры, магазина, бани, подъезда, двора, электрички. Реальное настоящее для большей части пожилых носителей просторечной лингвокультуры является малособытийным либо бессобытийным. Хронотоп и субъектная организация сценария – значимые параметры выделения типов микроколлективов.

Описание **субъектной организации «своего круга»** выявляет костяк регулярно воспроизводимых номинаций членов *собственно семейного круга*, близких и дальних родственников, соседей, друзей, бывших сотрудников. Выделяются нейтральные (*отец, мать, ребята, дедушка, соседка, подруга* и др.) и ограниченные в употреблении (*сродственники, брательник, ребяенок, пацанка, мало'й, племяш, свекруха*) языковые обозначения, набор которых позволяет определить состав и структуру «своего круга». Социоцентризм сознания носителя просторечной лингвокультуры проявляется в потребности обозначить, подчеркнуть статусно-ролевую позицию человека, который признается *своим* (*Юра Дусин*, т.е. 'Юра, муж соседки Дуси'; *моя сватья*). Наполнение парадигмальных рядов номинаций членов «своего круга» свидетельствует об устойчивости его субъектной организации.

В разделе **Культурные представления носителей просторечия о пространстве, времени и событиях настоящего с позиций прожитой жизни** выявляются коммуникативно-этические константы просторечной лингвокультуры. Прожившие трудную жизнь коммуниканты осознают свой преклонный возраст (*старпёр, старье, песок из задницы сыпется*) и плохое физическое состояние (*инвалидка, развалина, развалиной*). Действует установка: Старость заслуживает уважения; Болезни и

физические страдания – основание для помощи и сочувствия. В устных и письменных текстах стереотипизируется описание болезней и социальных тягот. Например, в письмах Президенту РФ речевые стереотипы используются для весомого обоснования излагаемой просьбы: *Мы с мамой живем. Здоровья нет. Больные, болеем. Помогите пожалуйста или напишите письмо.*

Темпоральная оппозиция *раньше ↔ теперь* предстает как аксиологическая. Поляризация хорошего и плохого преемственна по отношению к деревенской культуре и прошлому, в том числе советскому. Идеализируются некоторые стороны общественной жизни, этика семейных, дружеских, трудовых отношений, эстетика быта и речевого поведения, физического облика человека, например: *А.Ф. У меня Володя [сын] подрабатывал / на автобазе сторожил // Ну хотя он все время на стипендию учился / а все равно подрабатывал // М.П. Не гри* // Раньше ить* праздно не проводили вот так / не шастали* по этим // А.Ф. Где там шастать* // Жись* такая трудная у нас была //*

Анализ показывает, что отдельные культурные установки не абсолютизируются. Так, установка Жить – значит работать реализуется в потребности пенсионера наполнить свою жизнь трудом, полезными делами: *Никакой работы не будет / что же это такое?* В то же время актуальны и установки в отношении к активному отдыху и компанейскому общению: Отдыхай и веселись от души, чтоб было о чем вспомнить; Не избегай общества людей, стремись организовать общение и поддержать компанию. Описан типаж заводилы компании с присущим ему неиссякаемым жизнелюбием, непосредственностью, коммуникативной раскованностью. Типаж *певуны и плясуны* (поведенческая формула *Плечи распыляю и пошла //*), обнажает умение показать себя, радоваться проявлениям жизни, быть веселой, естественной и открытой в любом возрасте.

Культурными константами остаются гостеприимство и щедрость. Бедность пожилых, живущих на скромную пенсию, заставляет экономить (*Дак ты поменьше мяса-то покупай / да парь / да жарь // Вот захотела я ись / постную похлебку сварила / наелась / и как хорошо / с майонезом //*), однако осуждаются скупость и жадность, особенно если они распространяются на членов «своего круга» (установки На своих не экономь; Если пришли гости / родственники, обязательно угости их от души, не скупись, не жалея денег): *А.И. [о дне рождения невестки] Она / «Ну давай чаем попою» // «Ну давай / стакан чаю выйю я» // Ну и эт самое / налила да конфет поло'жила // И я две конфетки съела с чаем / и всё / чё эт // На день рожденья приехала // И смех / и грех //*

Разговоры о земном демонстрируют отношение носителей просторечия-1 к деньгам и богатству. Обнищавшие пожилые люди транслируют сохранность советского идеологического предписания Жить как все, не выделяться, формирующего негативное отношение к новым богатым. Идентификаторы типа *новая русская, богач, кулачка* выделяют новый социальный слой, противопоставленный бедным. Образ *богатого* вызывает открытую неприязнь и зависть, выплеск речевой агрессии. Вместе с тем отмечается формирование следующих ментальных установок: Богатым быть незасорно; Активный, хозяйственный, мастеровитый человек в наши дни может разбогатеть: Вот если бы щас нашим мужикам // Я больше чем уверена / что мой Илюшка какое-нить дело бы открыл / или по дереву / или по машинам / хоть бы какое-нить // И конечно / мы бы тоже имели деньги //

Объектом описания становится правосознание носителя просторечной лингвокультуры, сформированное тоталитарной системой. Оно основывается на страхе

перед государством, непонимании политических перемен (...не понимали / чё такое перестройка //; ...боялись; Я не верила в это //). Содержательные смыслы предписания Жить по советским законам объясняют политическую пассивность (не требовать, не жаловаться, не выступать, не ходить, не митинговать, быть довольным, получать (крохи), радоваться (тому, что есть), мириться (со всем), думать (что так и надо); слушаться). Политические предписания и лозунги новейшего времени в обыденном сознании простого человека примитивизируются, свертываются до утопических представлений об экономическом благополучии и рае: *Вот всего будет изобилие / ты токо приходи и выбирай / чё те надо //*

Представления о справедливости / несправедливости вербализуются в письмах-литаниях (Н. Рис) носителей просторечия-1, адресованных представителям власти. Письма содержат просьбы о помощи не только близким, но и посторонним людям. Концепт *справедливость* является этической константой. Анализ выявляет типы *правдоискатель*, *поборник справедливости*. Авторы писем исходят из презумпции попранной справедливости (А. Д. Шмелев). Выявляется установка Справедливость должна быть восстановлена: [Из письма Президенту РФ] *Но возмутило нас опубликование в газете Егоршинские Вести о ветеране великой отечественной войны <...> наш солдат живет в таких условиях без холодной воды и тепла. <...> Таких участников ВОВ осталось совсем немного хотя перед смертью создайте им условия умереть в человеческих условиях. <...> Но встает сердце узнаешь когда люди находятся в таких условиях, а главное солдат который защищал нас от врага Мне тоже 75 лет я пережила войну в ужасных условиях военного времени но сейчас все есть и я не жалею о своей судьбе. Но с такой жизнью солдата я и все мы не можем смириться!*

Социоцентризм народного сознания проявляется в экспликации сопричастности общей судьбе страны, единении с *другим(и)*. Оппозиция *стыдно ↔ не стыдно* разделяет народ и тех, кто от него оторвался: *стыдно нашей стране ↔ мэру города Корелину В.П. не стыдно*. Объектами этической оценки становятся чиновники, которые предстают бездушными людьми, попирающими нравственные ценности, нарушающими коммуникативные нормы: [Из писем представителям власти] *Они по своим законам живут, у них свой устав; Мне не нравятся [чиновники], объяснять нужно по-человечески; Когда кончится такое издевательство над нами; Им не понять там на верху как нам тяжело; Мы уже не знаем к кому обращаться, бьемся лбом в стену.*

Обобщенная оценка поведения власть имущих передается метафорически в письменных текстах носителей просторечия-2: *У них в душе пусто*. Представители власти ассоциируются с неведомой силой, жестокой, циничной, изворотливой: *То что они говорят это лишь вызубренные фразы для утешения народа; Больше всего на что я зол на власть которая беспрдельно обходится с людьми, нашим народом; Правду правительство утаило от народа.*

Чиновникам противостоит Президент, воплощающий высшую государственную власть, которая должна защитить, гарантировать порядок и безопасность. В простом человеке жива надежда на “сильную руку: *Ну кто-то нам старым, убогим должен помогать и защищать. Помогите пожалуйста или напишите письмо Я буду молить за вас днем и ночью*. В Президенте страны видят живого человека, которому можно доверить свою беду и боль, с которым можно установить коммуникативный контакт, поговорить по душам: *Здравствуйте, дорогой всеми уважаемый Владимир Владимирович наш президент Генералиус, а главное совсем простой добродушный*

обходительный человек, я по телевизору смотрю, ежедневно ваши выступления и как бы я поговорила с Вами.

Ценностное отношение к историческим событиям страны и ее героям формирует гражданскую идентичность. Этические высказывания *Стыдно нашей стране; Унизительно и страшно за нашу Россию* отражают свойственные носителям просторечной лингвокультуры патриотизм и соборность: [Из письменных работ носителей просторечия-2] *На 100 % уверен что если бы солдату предоставилась возможность сражаться в бою за свою родину. И без вопросов и восклицаний, раздумий он бы пошел в него и сражался до последней капли крови; И эти парни которые бесстрашно сражались в этих боях навсегда останутся в наших сердцах. И мы будем до конца своих дней чтить их благородные поступки. Одним словом «Патриотизм».*

Эксплицируется межпоколенческая установка в отношении воинской обязанности: Молодому человеку необходимо отслужить в армии: *Мой приятель прежде чем пойти служить, подумал, стоит-ли идти служить или нет? Но у него небыло выбора так как его отец сказал ему. Настоящий мужик тот кто отслужит в армии* [из письменной работы носителя просторечия-2]. Важными составляющими сознания носителя просторечия являются интернационализм и гуманизм: *необходимо просто напросто объединение всех народов и наций независимо от цвета кожи. Ведь когда все будут дружные между собой конфликтовать будет незачего.*

Механизмы коллективной культурной памяти включаются при обсуждении событий прошлого, «наследия» социалистической идеологии. Прослеживается опора на «идеологемы-святыни» (Н. А. Купина) и соответствующие знаки советского идеологического кода.

В разделе *Свои и чужие*: микроколлективы и типажи устанавливается зависимость между типизированными локусами, где «кипит и бьется» повседневная жизнь субъектов сценария, и микроколлективами. Охарактеризованы принципы формирования семейного микроколлектива, микроколлектива соседей, дружеского микроколлектива, временного микроколлектива.

Описание **семейного микроколлектива** выявляет представления и установки носителей просторечной лингвокультуры в отношении семьи как смысложизненной ценности, позволяет проследить их общность с ценностными установками деревенской культуры. Семейная идентичность осознается как ключевой конструкт личности. Материальный достаток (*все купила; оделася; в квартире стенка есть*) не может служить заменой семейному счастью. Стереотип *заиметь семью* имплицитно передает представления о наличии комплекса константных культурных конвенций о семейной иерархии, ролевом поведении членов семьи.

Ролевые права и обязанности мужчины как главы семейства обобщены в типаже *нормальный мужик*. *Нормальный мужик* – это хороший семьянин. За ним сохраняются роли добытчика, кормильца, хозяина, на нем лежит основная мужская работа по дому: [Жена о муже] *Знал / что работа и семья на первом месте / вкалывал физически / деньги в дом приносил / кормил одевал* // Ключевой лексемой с положительной оценкой становится признаковое имя *работящий* (*трудога, работяга, хозяйственный, мастер, мастер на все руки, золотые руки*). *Нормальному мужику* даются “скидки”: право на употребление спиртного после выполнения тяжелой физической работы, право иметь *заначку* (‘место, где что-нибудь спрятано, убрано от других, про запас’). Противоположный типаж – *никчемный мужик* – тот, кто не выполняет ролевые обязанности: [Жена о муже] *Чё вот он / приходил пил и все // Хоть проблемы / чтобы накормить ребенка или хоть копейку дать ему / нету / что ты // Вот так вот всю*

жись! В стереотипе повезти / не повезти с мужем обобщаются представления об идеальном муже: работает, зарплату приносит жене, не пьет, не бьет, не матерится, не ворует деньги из дома: Ну не повезло ей / блин / в личной жизни / не повезло // Такой тунейдец и алкаш попался //; Нине повезло в замужестве // Николай отличный мужик / отличный // Он даже и материться не умеет // Вот у Раи Николай / тот был бандюга // Она каждый день была битая //

Женщина (мать / бабушка) предстает не только как хозяйка и воспитательница детей, но и спутница мужа. Стереотип *быть в чистоте и обиходе* отражает результат усилий женщины, направленных на создание бытовых условий, поддерживающих внешнюю форму мужа и состояние внутренней удовлетворенности. Мужская точка зрения (*повезти с женой*) основывается на работоспособности женщины, ее умении ухаживать за мужем, смотреть за ним, готовить, стирать, а также принимать его слабости. Анализ устных и письменных текстов позволяет выявить устойчивость типажа *заботница*, обобщающего архетипические представления о жене и матери, ее силе (*могучая женщина*), жертвенности.

Объектом отдельного анализа становятся отраженные на разных участках культурного сценария ролевые функции матери / бабушки – *берегини рода и семьи, защитницы, жалостливицы*. Женский взгляд на семью обобщен в установках: У детей должен быть отец; Плохо, если член семьи уходит из жизни от отчаяния; Нельзя сидеть сложа руки, если близкому человеку трудно и плохо; Нужно помогать членам семьи морально и материально; Дом служит оплотом семьи; Помочь в семейной беде может конкретный человек, обладающий властью; Не стыдись «идти на поклон» ради близких.

Об устойчивости модели семейных отношений, выработанных старшими, свидетельствуют письменные и устные тексты носителей просторечия-2. Молодыми отторгаются инокультурные сценарии семейной жизни («Жена содержит мужа»; «Главное в семейных отношениях – секс» и др.). В письмах заключенных, покинувших «свое» пространство, *семья, родители, мать, жена, ребенок* остаются ценностными ориентирами. Формируется цепочка хода мысли: жизнь, любовь и счастье близкого человека важнее материального благополучия: *Выплатили им [родителям погибшего в Чечне солдата. – И. Ш.] 300 тыс. руб. и двух комнатную квартиру. А что эти деньги, квартира. Ведь сына и нашего товарища этим не вернешь; А многих Солдатов матеря потеряли своих сыновей им на сердце было очень ни ловко самого дорогого сына потеряли просто это нельзя описать; Заставляет задуматься даже те несчастные матери которые после нелепой, трагической смерти своего сына будут потом всю жизнь в огромных страданиях.* Регулярно вербализуется идея духовной связи родителей и детей. Реализуется установка: Долг детей – отблагодарить родителей за все, что они сделали. Концепт *родители* вступает в отношения наложения и включения с этическими концептами *благодарность, вина, раскаяние, долг, память, стыд, помощь*: [Из письма Президенту РФ] *Прошу рассмотреть мое заявление <...> на приобретение мраморного памятника отцу инвалиду Великой Отечественной войны к 60 летию Победы над фашизмом, отец имел два ранения (подтверждается документом) он умер в 1981 г. <...> Я сама не в состоянии, пенсия 2153 руб, я сирота родилась в 1942 г, меня воспитали приемные родители, короче подобрали в лесу во время войны, нас 6 девочек высадили на этой станции. Я жертва войны. Мне стыдно что я не могу помочь родителям, до слез обидно перед предками, что ихнии могилы как у безымянных солдат пусты <...>*

Семейную идентичность поддерживают входящие в речевой репертуар старших членов семьи «дидактические» жанры (Н. В. Орлова) наставления, совета, замечания.

Они направлены на регуляцию поведения младших членов семьи, часто содержат моральную оценку их действий и поступков: **А.Б.** [дает наказ внуку-студенту] *Не шатайся там / не пей // Да не кури / Миша / у нас ить никто в семье не курит // Учись хорошо / занятий не прогуливай / а то будешь / как Толя Рыжий / дворником робить //*

Нарушение семейного этического кодекса, конвенциональных правил ролевого поведения, соответствующих ожиданиям близких, становится потенциально конфликтным. Интерпретируются речеповеденческие практики семейных конфликтов. Анализ показывает, что причиной конфликта *свекрови* и *невестки*, *тещи* и *зятя* становится идеализация модели внутреннего семейного мироустройства старшими членами семьи, консервативное сознание которых не приемлет сдвигов в распределении ролей, коммуникативных практик, кроме тех, которые ими усвоены. Теща / свекровь чувствуют себя наиболее опытными, компетентными (А. В. Занадворова) в вопросах внутрисемейных отношений, поэтому открыто поучают зятя / невестку. Ролевая иерархия как способ регламентации семейных отношений ярко проявляется в конфликтной ситуации. На этом основана этическая сторона взаимодействия. Старший использует ролевое право на критику младшего члена семьи: [Теща – зятю] *Я ни разу не видела / чтобы вы с женой обсудили сели / чё купить / чё сделать //*; *Ешь всегда один / никогда жену не ждешь //* Младший отвергает менторство: [Невестка – свекрови] *Нечё навязывать нахально / я все равно при своем мнении //*; [Зять – теще] *Не понимаете ничё / дак не лезьте //*

Тексты-разговоры носителей просторечия подтверждают общекультурное представление о неуживчивости сварливой свекрови и строптивой невестки, живущих под одной крышей: *Там / где две женщины / у одной плиты не сварят //* *Там все равно дележка начнется //* Общее пространство существования, объединяющее невестку и свекровь, заставляет каждую отстаивать ролевое право быть *хозяйкой дома*, что неизбежно приводит к ущемлению коммуникативных прав старшего или младшего члена семьи. По представлениям свекрови, невестка должна соблюдать семейные конвенции: уважать устои / порядок дома, в который ее приняли, перестроиться; приспособиться, а потом *внедрять свое*; не грубить; не лениться; *не лежать до 12 часов*; помогать в работе по дому; *ладом стирать / готовить*; следить за детьми. По представлениям невестки, хорошая свекровь *не критикует в пух и прах / «Вот / дескать / манную кашу за три минуты сварила / как так можно» //*; *...относится по-хорошему / не как поганка //*; проявляет деликатность; не настраивает сына против жены (*...мужа чтоб на свою сторону не склонила //*). Ролевое противоборство воплощается в культурном сценарии «Семейный конфликт» и его конкретных разновидностях: «Свекровь ссорится с невесткой»; «Свекровь ссорит молодых»; «Невестка сживает свекровь со свету».

Обобщаются результаты анализа культурного сценария «Свекровь ссорится с невесткой». Устанавливается ситуативное разрушение ролевой иерархии (бывшие свекровь и невестка вынужденно живут под одной крышей), что делает возможным выплеск вербальной агрессии с обеих сторон. Описывается механизм ссоры: инициальная реплика вызывает ответный отклик в заданной тональности, начинается перебранка, которая, набирая обороты, развивается лавинообразно. Подобная схема повторяется и в ситуации взаимодействия бывших супругов. Привычность эмоциональной разрядки сглаживает ссору, поэтому инвективы и даже рукоприкладство воспринимаются участниками ссоры менее остро, чем сторонним наблюдателем. Проникновение в чужую личную сферу затрагивает преимущественно нравственное достоинство коммуникативного партнера. Остро воспринимаются упреки, связанные с отношением к труду, заботой о доме и семье (*засранка; ничё не делала; пыль и грязь*).

Ярлыковый характер идентификаторов (*бомж, неработень, бомжиха, тельтёха, квашня* и др.), свидетельствует о стереотипном характере языкового способа понижения социального и морального статуса человека. Сценарий ссоры демонстрирует утрату специфики речевых гендерных практик: обсценизмы становятся для женщины, так же как и для мужчины, типичным способом выражения вербальной агрессии. Десоциализация, нехватка средств для содержания дома – социальные причины утраты межличностного уважения и – шире – нарушения этических норм.

Обобщаются и характеризуются речевые жанры конфликтного общения: инвективы ([свекровь – невестке] *Ты нищая //*), упреки ([теща – зятю] *Кто сына-то будет кормить? Всё на жену свалил?*), попреки ([теща – зятю] *Пришел на все готовенькое //*), угрозы ([муж – жене] *Подожди / я вот не вытерплю / я тебя подыму и на жопу опущу //*), проклятия ([невестка – свекрови] *Да чтоб ты сдохла!*), наговоры и др.

Описание **микроколлектива соседей** отражает речевое взаимодействие жителей многоквартирного дома, образующих микроколлектив на основе постоянных контактов и пространственной близости. Образная составляющая концепта *сосед* отражает восприятие субъекта как человека общительного, открытого, приветливого, реже – конфликтного. Выявлен типаж *душевная соседка*. Это *хороший* человек, обладающий высокой нравственностью, проявляющейся прежде всего в общении. Описаны содержательные смыслы этического предиката *душевная*: добрая, скромная, общительная, рассудительная, гостеприимная, хозяйственная, например: *...обо всем-обо всем можно было говорить / и про политику / и про всё //*; *Мы угощались то пирогами / то блинами //*; *Чистюля / дома всегда чисто у нее было / прибрано //* Взгляд со стороны фиксирует такие важные составляющие типажа, как верность мужу, преданность семье, опрятный внешний вид и умение следить за собой.

В сознании коммуникантов-соседей не концептуализируются представления о закрытости жизни отдельной семьи (*Всё про всех знаем //*). Социоцентризм носителей просторечной лингвокультуры проявляется в житийной формуле, обобщающей эмоционально-этический опыт взаимодействия соседей: *скоко пережито / и в горе и в радости //* Стереотип *жить по-соседски* объединяет группу кооперативных практик, к числу которых относятся: угощение приготовленными блюдами и обмен кулинарными рецептами (*Фаина / открывай / уху горячую несу //*); совместные встречи праздников (*Как Новый год / стол на площадку вытаскиваем / закусточка / бутылочка //* *И пошло-поехало //* *Музыку включим / танцуем //* *Ой / весело как у нас всегда было //*); поминовение умерших; посещение соседки (реже соседа) с целью обсуждения текущих дел и новостей (*Заходи ко мне / расскажешь / как ты в деревню съездила //*). Установки Следует заботиться о своих; Своим можно доверять делают возможными доставку соседкой почтовых отправок (*Глаша / открывай! Почтальон Печкин пришел //* *Газеты возьми и жировку* [‘квитанция о квартплате’]), покупку для соседей продуктов. Соседям оставляют ключи от квартиры, в их присутствии ведут личные разговоры по телефону. В отдельных случаях наблюдается перерастание соседских отношений в дружеские и даже родственные. Основания такой трансформации – нравственные: *Галя из первого подъезда за три дня до смерти отписала соседке свою квартиру //* *Ну дак чё / дружили они скоко лет //* *Она ей как сестра была / в последнее время ухаживала за ней / Галя уже не вставала //*

Гармонизирующие и конфликтные коммуникативные практики соседских посиделок выявляют жанрово-тематический репертуар, типовые ролевые позиции, этические конвенции взаимодействия. Описаны типаж *душа компании, конфидент, балагур, конфликтер*.

Установки на кооперативность общения, другоцентричность (Н. В. Уфимцева) исключают коммуникативный эгоцентризм. Внутри микроколлектива избегают тех, кто не умеет слушать других, ущемляет права адресата, захватывает права на Я-тему (Т. В. Матвеева), навязывает свою точку зрения как единственно возможную, использует жестовые позы, нарушающие гармонию коммуникативного пространства и эстетику разговора: *Нина Федоровна вышла гулять / все соседки разбежались / никто не хочет с ней общаться // Дак чё / невозможно / это больной чек [человек] // Всем рот затыкает / руками машет / в грудь тыкает «Я / я / я! Я ходячая энциклопедия! Я все знаю!»* Повседневное общение с соседями – неотъемлемая сторона языкового существования носителей просторечия-1.

Описание **дружеского микроколлектива** показывает, что в просторечной лингвокультуре дружба выступает как неподвластная времени культурная константа (*деревенские подружки детства / юности / и всей нашей жизни*). Дружеские связи формируются в молодые годы, поддерживаются в течение жизни, угасают или активизируются на разных отрезках времени. Типажи *подруга / друг (неразлучные подружки, закадычная подруга)* акцентируют степень глубины нравственно-эмоциональных и коммуникативных связей субъектов сценария. От друга / подружки ждут помощи, моральной и материальной поддержки, сочувствия; друг – это тот, кто поможет бескорыстно, посочувствует, с кем можно общаться, кому можно доверять. Напротив, типаж *подруги-предательницы* связывается с нарушением общекультурных конвенций.

Выявлены составляющие культурной практики дружеского общения (мужского и женского) в просторечном кругу – организация застолья со спиртным (*Они приходили / у нас и выпивка / и стол / все было хорошо*), разговор по душам (А. Вежицкая, В. В. Дементьев, А. Д. Шмелев и др.).

Установки на эмоциональную отзывчивость, душевную чуткость, коммуникативную поддержку друга зафиксированы и в письменных работах носителей просторечия-2: *Он [друг] так это рассказывал что его чувства, эмоции, страдания, страх, боль в душе передавались мне. И я не мог найти слов, чтобы посочувствовать ему. Мне токо оставалось кивать головой и больше не чего сделать не мог.* Отмечается внутрикультурная преемственность представлений о дружбе.

В разделе **Временный коллектив** анализируются ситуации взаимодействия незнакомых людей, вынужденных вступать в коммуникативный контакт, демонстрируя “технологии культуры” (Ю. Е. Прохоров). Анализ маркеров, фиксирующих проявление и переработку *чужого* в *своем* и *своего* в *чужом*, выявляет черты типового портрета носителя просторечной лингвокультуры. Разговоры членов временного коллектива характеризуются *гармонизирующим / дисгармонизирующим коммуникативным результатом*. Выявляются разговоры о вечном (судьбе, смысле жизни, справедливости, счастье, памяти) и о земном, сиюминутном (шубе, колбасе, стиральной машине и т.п.).

Анализ гармонизирующих текстов-разговоров случайных попутчиков показывает, что коммуникативными ориентирами, обеспечивающими комфорт речевого общения, служат общекультурные этикетные нормы, в основе которых лежат установки в отношении проявления вежливости / грубости (Е. А. Земская, И. М. Кобозева, Н. И. Формановская, Г. Р. Шамьенова и др.), представления о достойном / недостойном речевом поведении. Ментальные образцы отливаются в речеповеденческие стереотипы, конвенциональные способы означивания *своего / чужого* коммуникативного статуса, позволяющие охарактеризовать собственное поведение носителя просторечной лингвокультуры, обнаруживающее отношение к *другим / чужим*. Коммуникативное

сближение с попутчиком осуществляется носителем просторечной лингвокультуры на основе знания статусных правил поведения (формы «Вы-общения»), употребления этикетных речевых формул, в частности извинения (*Вы далёко едете / извините? Вы извините / что я спросил //*), утешения, комплиментарности (*Да где уж Вам доживать / рано пока //*), сочувствия (*Одной-то все равно тяжело //*), смягчения возражения (*Дак это не токо у вас / согласитесь //*). Субъект-деятель исходит из презумпции доверия к коммуникативному партнеру, который обладает достоверной информацией: *А это правда / что Борик [о Б. Н. Ельцине – И. Ш.] для вашей школы компьютеры закупил?* Установки на кооперативность, неформальность и доверительность общения, разделяемые коммуникантами, диктуют стремление задавать вопросы, проявляя заинтересованность (*Вы в Талице живете? Это чё ж / родина царя Бориса?*), и отвечать на них искренне, эмоционально реагировать (*Судьба! Да Вы чё?!*). Подобная манера речевого поведения характерна для типажа *благодушного*.

Открытость коммуникативных контактов с незнакомым, экстравертированность интерпретативно-оценочной деятельности по осмыслению жизненных впечатлений, отсутствие условностей – яркие особенности речевого поведения человека из народа. В культурном сценарии отражены искренность, открытость убеждений носителя просторечной лингвокультуры, его стремление к неформальности общения, готовность “впустить” в личное пространство, что обуславливает допустимость вопросов и ответов интимно-личностного характера (*А муж? – Муж умер //*). Очевидно, что зона этически допустимого в просторечном общении шире, чем в общении литературно-разговорном.

Воспроизводство субкультурных стереотипов в ситуации общения с незнакомым / малознакомым человеком детерминируется своеобразными представлениями носителей просторечной культуры о мире, о себе и других людях. Например, к относительно специфическим стереотипным номинациям, бытующим как в народной, так и просторечной культуре, можно отнести интимно-личностные вопросы, обращенные к незнакомому, антропонимы – уменьшительные (уничижительные, фамильярные) формы от имен публичных людей (*Борик, Наиська* – Борис и Наина Ельцины).

Записи разговоров незнакомых людей, носителей просторечной культуры, собранные в общественном транспорте, в очередях, поликлинике и т.п., выявляют еще одну особенность коммуникации внутри временных коллективов – настороженность, агрессивность, неприятие *чужого*, подозрительное отношение к *чужаку*, навязывание своего мнения, безапелляционность в оценках, суждениях. Темой «прекословных» разговоров нередко становится общественно-политическая ситуация в стране, деятельность лиц, облеченных властными полномочиями, и власти в целом, а также собственная жизнь, включенная в социальный контекст. Пожилые люди, живущие за чертой бедности, обиженные равнодушием властей, испытывающие чувство поправленной справедливости, вызванное столкновением советских и постсоветских реалий (Н. А. Купина), часто проявляют речевую несдержанность. Например, ментально значимые стереотипы *Раньше жили лучше / Раньше жили хуже* поляризуют мнения, повышают конфликтность общения, провоцирует перебранку и разрыв коммуникативного контакта: *Вот сядя в очереди стояла на улице [речь идет о продаже продуктов “с машин“, без наценки] / и вот там одни / одни старухи стоят / одни бабки / за этой / мукой приехали //* *И начали там / вот одна / «Оне там все отъелись / их там поубивать надо» / да другая / «Да чё / мы плохо живем / ли чё ли? Вы вспомните / чё мы раньше ели / и траву ели» //* *А тут все как налетели на нее / «Мы с Вами не разговариваем» //* Характерный для просторечной лингвокультуры стереотип коммуникативной компенсации основывается на ожидании коммуникативного отклика

незнакомому человеку, прогнозировании унисонности эмоционально-оценочных реакций. Возможен и прямой отказ от коммуникативного контакта: *А одна тетка / «Женщина / а Вы у нас спросили / нам интересно это слушать или нет? Нам неинтересно / замолчите»! Она раз / и сразу замолчала //*

По нашим данным, типаж *конфликтера* (характеризуется догматичность отстаивания расхожих, обывательских стереотипов) и *кликуши* (характеризуется крикливая, визгливая манера речи, употребление клише-обобщений: *Кругом одни евреи //*; *Разграбили страну / довели до нищеты //*) распространены в просторечной лингвокультуре.

Выявлен круг детабуированных тем (болезни, смерть, секс, частная жизнь близких, публичных людей и др.). Проведен анализ речевого поведения, исключающего «церемониальный этикет» (Т. В. Крылова, И. А. Шаронов), который предписывает коммуниканту учитывать *свой* и *чужой* статусы, задает жесткую ролевую обусловленность каждого участника упорядоченного действия.

Обобщаются приметы просторечной манеры коммуникативного взаимодействия. Например, **А.** (женщина приблизительно 50 лет) и **Б.** (женщина приблизительно 40 лет) стоят на остановке в ожидании автобуса. **А.** пристально и долго разглядывает **Б.**, потом решается заговорить: **А.** [сначала робко, потом увереннее] **Дама / у Вас шуба дорогая? Слушайте* / чё стоит?** **Б.** [уклоняясь от ответа] *Да нет / не очень //* **А.** *А я свою цигейковую до'ху* токо* по праздникам / а на постоянную носку [показывает] в транспорте-то трепать / в пальтушке* зиму пробегаю //* *А чё* это за мех такой?* **Б.** *Да это кролик крашеный //* **А.** [несколько разочарованно] *Ты скажи / научились //* *Но красиво!* [Подходит автобус, коммуникантки расстаются].

Носитель просторечной лингвокультуры считает нормальным беззастенчиво разглядывать незнакомого человека, задавать ему вопросы, бесцеремонно рассказывать о фактах личной жизни и интересоваться подробностями жизни незнакомого, откровенно говорить о собственных эмоциональных переживаниях, прямо выражать свое отношение к происходящему и собеседнику. Прямооценочность – одна из ярких характеристик просторечной коммуникации.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Современное просторечие: взгляд изнутри // Рус. яз. в науч. освещении. – 2004. – № 7. – С. 23–62. (В соавт. с Н. А. Купиной; 1, 25 п. л. / 1, 25 п. л.).
2. Просторечная речевая культура: стереотипы и ценности // Изв. Урал. ун-та. – 2005. – Вып. 9, № 35. – С. 203–216. (Сер. Гуманитарные науки. Филология. Языкознание).
3. Жизненный сценарий носителя просторечной культуры: общий взгляд // Вест. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 5 (143). – С. 143–148. (Сер. Филология. Искусствоведение ; вып. 29).
4. Уральское городское просторечие: возможности лингвокультурологической интерпретации // Изв. Урал. ун-та. – 2009. – № 1/2 (63). – С. 15–23. (Сер.2. Гуманитарные науки. Филология. Языкознание).
5. Культурный сценарий «Жизнь в деревенской семье»: из опыта лингвокультурологической интерпретации // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2009. – № 320, март. – С. 31–37.

6. Уральское городское просторечие: лингвокультурные типажи // Изв. Урал. ун-та. – 2009. – № 4 (70) . – С. 144–150 (Сер. 2. Гуманитарные науки. Филология. Языкознание).

Монография

7. Уральское городское просторечие: культурные сценарии. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 444 с.

Главы в коллективных монографиях

8. Коммуникативно-культурное пространство: общий взгляд и возможности интерпретации // Русский язык в контексте культуры / под ред. Н. А. Купиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 60–72.
9. Причины и виды культурно-речевой дисгармонии // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2000. – С. 272–287.
10. Ошибка как средство установления коммуникативного контакта // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллект. монография / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 410–419.
11. Толерантность / интолерантность в просторечной семейной культуре // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации : коллект. монография / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 489–516.
12. Вражда и согласие в повседневной культуре // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллект. монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 485–515.
13. Советская составляющая уральской просторечной культуры // Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – Т. 2. – С. 304–321.

Учебные пособия

14. Русский язык : репетиционные тесты : учеб. пособие для выпускников и абитуриентов. – Екатеринбург : Изд-во ООО «УралЭкоЦентр», 2003. – 144 с. (Сер. «Приложение к учебнику»). (В соавт. с Л. В. Ениной, С. Ю. Даниловым; 3 п. л. / 3 п. л. / 3 п. л.).
15. Речевая культура молодого специалиста : учеб. Пособие. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 164 с. (В соавт. с Н. С. Павловой, Ю. Б. Пикулевой; 3, 5 п. л. / 3, 5 п. л. / 3, 5 п. л.).
16. Собственно речевые и речеповеденческие конфликты: их источники и проблемы лингвистической диагностики // Речевая конфликтология : учеб. пособие / отв. ред. М. Я. Дымарский. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 17–32. (В соавт. с Н. А. Купиной; 0, 45 п. л. / 0, 45 п. л. / 0, 45 п. л.).

Статьи, материалы докладов, тезисы

17. О формировании культурно-аксиологической компетенции // Актуальные проблемы культурно-речевого воспитания : тезисы докл. науч.-практ. Конф. Екатеринбург, 27-28 марта 1996 г. – Екатеринбург : УрГУ, 1996. – С. 78–79.
18. Типы оценочных реакций // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе : материалы школы молодых лингвистов (Пенза, 25–29 марта 1997 г.). – Пенза : Изд-во ПГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 46–47.
19. Речевые стереотипы в динамическом пространстве русской культуры // Стилистика и прагматика : тез. докл. науч. конф. Пермь, 25–27 ноября 1997 г. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1997. – С. 17–18. (В соавт. с Н. А. Купиной; 0, 025 п. л. / 0, 025 п. л.).
20. Отражение русского типа в мужской речи горожан-провинциалов // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : науч.-метод. бюл. – Красноярск ; Ачинск, 1998. – Вып. 6. – С. 48–56. (В соавт. с Н. А. Купиной; 0, 25 п. л. / 0, 25 п. л.).
21. Коммуникативно-культурное пространство: общий взгляд // Русский язык в контексте современной культуры : тез. докл. междунар. конф. Екатеринбург, 29–31 октября 1998 г. – Екатеринбург : УрГУ, 1998. – С. 140–141.
22. Мужской разговор о женщинах и превратностях семейной жизни // Русская женщина-2. Женщина глазами мужчины : материалы теор. Семинара. Екатеринбург, 25 мая 1999 г. – Екатеринбург : УрГУ, 1999. – С. 68–80. (В соавт. с Н. А. Купиной; 0, 37 п. л. / 0, 37 п. л.).
23. Фатическое общение в просторечном коммуникативно-культурном пространстве // Вопр. стилистики : межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – Выпуск 28. – С. 143–156.
24. Ошибка как средство установления коммуникативного контакта // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тез. докл. междунар. конф. – Екатеринбург : УрГУ, 2001. – С. 320–322.
25. К вопросу о культурно-языковой специфичности речи носителя просторечия // Язык и общество в синхронии и диахронии : труды и материалы Междунар. конф., посв. 90-летию со дня рождения проф. Лидии Ивановны Баранниковой. – Саратов, 2005. – С. 132–136.
26. Стереотипы как социокультурные маркеры речевого поведения личности // Зап. Горного ун-та. Т. 60 : Риторика в системе коммуникативных дисциплин / Санкт-Петербург. гос. горный ин-т (техн. ун-т). СПб., 2005. – Часть 2. – С. 148–149.
27. Этические источники речеповеденческих конфликтов // Речевые конфликты и проблемы современной языковой политики. : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 3–4 октября 2006 г. – Екатеринбург, 2006. – С. 81–82.
28. Речевые конфликты и их источники // Речевые конфликты и проблемы современной языковой политики : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 3–4 октября 2006 г. – Екатеринбург, 2006. – С. 31–32. (В соавт. с Н. А. Купиной. 0, 025 п. л. / 0, 025 п. л.).
29. Гармонизирующая интерпретация в педагогическом дискурсе // Лингвометодические чтения : материалы регион. межвуз. науч.-метод. конф. Екатеринбург, 2 февраля 2006 г. – Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2006. – С. 33–38.

30. Лингвокультурологическая оппозиция *город – деревня* и ее реализация в речи горожан-уральцев (на материале общения носителей просторечной речевой культуры) // Социокультурное развитие города: история и современность : сб. науч. трудов / отв. ред. И. Е. Левченко, Л. С. Лихачева. – Екатеринбург : Урал. ин-т социального образования, 2006. – С. 40–57.
31. Просторечие и вопросы ортологии // Вопросы культуры речи, IX. Сер. 7. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М., Наука, 2007. – 73–93. (В соавт. с Н. А. Купиной; 0, 6 п. л. / 0, 6 п. л.).
32. Культурный сценарий как репрезентант этических представлений и ценностных установок носителей просторечия // Непрерывное образование, взаимодействие с работодателем : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 9–12 апреля 2007 г. – Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2007. – С. 117–125.
33. Культурный сценарий «Супружеская измена» (по разговорам-воспоминаниям носителей уральского просторечия) // Жанры речи. Вып. 5. : Жанр и культура. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 2007. – С. 247–262.
34. Культурный сценарий «Путь в город»: в поисках самоидентичности (на материале текстов-разговоров носителей уральского городского просторечия) // Язык города : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Бийск, 8-9 ноября 2007 г.). – Бийск : Бийск. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 173–178.
35. Просторечная культура уральского города в поисках идентичностей // Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения) : материалы XIII науч.-практ. конф. Словесников. Екатеринбург, 23–24 октября 2007 г. – Екатеринбург, 2007. – С. 193–199.
36. Концепт «труд» и его отражение в сознании горожан-уральцев // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. 2008 май [Электронный ресурс]. URL : <http://www.elar.usu.ru/hundler/56789/1639>
37. Групповая идентичность в зеркале уральской просторечной традиции (по материалам письменных тестов носителей просторечия-2) // Славянские языки: аспекты исследования : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т, каф. теорет. и славян. Языкознания ; под общ. ред. Е. Н. Руденко. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – С. 244–253.